

КНИГА II

1. (1) Умертив Коммода, как это показано в первой книге Истории, и желая скрыть происшедшее, заговорщики, чтобы обмануть охранявших императорский дворец телохранителей, завернули труп в дешевое покрывало и, связав его, положили на плечи двум слугам из числа верных им и отправляют будто какой-то лишний предмет из спальни. (2) Носильщики проносят его мимо стражей, из которых одни после пьянства находились в состоянии похмелья, другие, бодрствовавшие, также склонялись ко сну и отдыхали, обнимая руками копья, треты не очень интересовались тем, что выносились из спальни, так как и для них не было важно знать это. Итак, тело государя, таким образом похищенное и вынесенное за ворота дворца, они ночью положили на повозку и отослали в предместье. (3) Лет и Эклект вместе с Марцией советовались о том, что следует делать. Они решили распространить слух о смерти Коммода, будто он внезапно скончался от случившейся с ним апоплексии; они полагали, что слух вызовет к себе доверие, так как уже и до того предметом злословия было его ненасытное и чрезмерное обжорство¹. Прежде всего, они решили выбрать какого-нибудь муника, воздержанного старца, который принял бы на себя власть, чтобы и им самим спастись и всем отдохнуть от необузданной тирании. Рассуждая между собой, они нашли, что нет никого более подходящего, нежели Пертинаксе. (4) Пертинакс был родом италиец, прославившийся во многих военных и гражданских делах, воздвигнувший много трофеев против германцев и восточных варваров, единственный оставшийся в живых у Коммода из почтенных друзей отца; тот не убил его, наилучше заслуженного из товарищей и полководцев Марка, либо из уважения к его почтенности, либо пощадив его как человека бедного. Ведь среди его заслуживших похвалы качеств было и то, что, получив в свое ведение больше, чем все другие, он владел меньшим, чем все другие, имуществом. (5) К этому Пертинаксу глубокой ночью, когда все были погружены в сон, приходят Лет и Эклект, ведя за собой немногих из заговорщиков. Явившись к дверям его запертого дома, они будят привратника. Тот, открыв и увидя представших воинов и Лета, бывшего, как он знал, префектом, в страхе и смятении докладывает о них. (6) Пертинакс предлагает им войти, говоря, что ему не страшно то, что он всегда ожидает². Говорят, что он сохранил такое душевное спокойствие, что даже не вскочил с кровати, но остался

¹ Все рукописи и вслед за ними все издатели дают здесь слово τρυφῆς («пища», в данном контексте можно перевести «обжорство»). В издании Ставенгагена τρυφῆς («роскошь» и т. п.)—по-видимому, опечатка, так как разночтение никак не отмечено в критическом аппарате.

² Перевод дается по тексту Ставенгагена, который принял поправку Рейске, одобренную в критическом аппарате у Мендельсона (хотя и не принятую последним в текст). Рукописная традиция не содержит отрицания перед словом «страшно»; получается смысл — с ним случится беда (странные), всегда им ожидаемая.

в прежнем положении и со спокойным лицом, не побледнев, обратился к Лету, вошедшему вместе с Эклектом, хотя и казалось, что тот пришел убить его. (7) «Давно уже,— сказал он,— и каждую ночь я ждал такого конца и, оставшись в живых единственный из друзей отца, удивлялся, что Коммод медлит со мной. Что вас задерживает? Ведь вы исполните приказание, а я освобожусь от дурного ожидания и непрерывного страха». (8) На это Лет сказал: «Перестань говорить то, что недостойно тебя и твоей прошлой жизни! Этот наш приход — не на твою погибель, но на спасение и нас самих и Римской державы. Повергнут тиран, получивший должное возмездие, и то, что он хотел сделать с нами, он претерпел от нас. (9) Мы приходим, чтобы вручить тебе императорскую власть, зная, что ты в сенате выделяешься воздержанностью жизни, великим достоинством и почтенностью возраста, что народ тоскует по тебе и уважает тебя; поэтому мы и ожидаем, что совершающее будет и для них желанным и для нас спасительным». (10) На это Пертина克斯 сказал: «Перестаньте издеваться над стариком и не считайте меня столь малодушным, чтобы сначала желать обмануть меня, а затем и убить!». «Но,— сказал Эклект,— раз ты не веришь нашим словам, возьми эту записку (ведь ты знаешь руку Коммода, так как чтение ее тебе привычно) и прочти; так ты узнаешь, какой опасности мы избежали, и убедишься, что в наших словах нет притворства, а есть истина». Прочитав написанное, Пертина克斯, поверив людям, и прежде бывшим его друзьями, и узнав обо всем, что было совершено, сдается.

2. (1) И спачала принимается решение пройти к лагерю и испытать настроение воинов; уговорить их обещал Лет, так как они питали к нему, как к префекту, надлежащее уважение. (2) И вот, взяв с собой и других, сколько их оказалось, они поспешили к лагерю. Уже миновала большая часть ночи, и ввиду предстоявшего праздника все это совершилось до наступления дня. Они рассылают некоторых верных людей, чтобы громко объявлять о том, что Коммод умер, а Пертина克斯 отправляется в лагерь, чтобы принять императорскую власть. (3) Когда этот слух распространился, весь народ, подобно впавшему в неистовство, предался ликованию; каждый с радостью рассказывал новость своим близким и особенно высокопоставленным и богатым; ведь знали, что Коммод больше всего ³ злоумышлял против них. Спешили к храмам и алтарям, воздавая благодарность богам. (4) Выкрикивали разное: одни говорили, что повержнут тиран, другие — гладиатор, иные ругались более непристойно; и те слова, от которых прежде удерживал страх, с наступлением безнаказанности и свободы стали легко произноситься. Большая часть народа направлялась бегом к лагерю. Они торопились, больше всего боясь, что воины не очень охотно подчинятся власти Пертинаакса. (5) Они ждали, что эту власть, которая будет благоразумной, воины, привыкшие рабски повиноваться тирании и приученные к грабежам и насилиям, примут без особой готовности. Для того чтобы заставить их покориться, они и сошлились всем народом. Когда они оказались в лагере, Лет и Эклект вошли, ведя с собой Пертинаакса. Собрав воинов, Лет сказал следующее: (6) «Император наш Коммод умер от апоплексии, а виноват в такой смерти не кто-нибудь другой, но сам он перед собой; не соглашаясь с нами, дававшими ему всегда наилучшие и спасительные советы, прожив так, как вы хорошо знаете, он погиб, задушенный чрезмерной едой ⁴. И вот его постиг предопределенный конец; ведь не одна и не одинаковая у всех людей причина смерти, они различны, но приводят к единому окончанию жизни. (7) Но вместо него мы и римский народ ведем вам мужа возрастом почтенного, по образу

³ «Больше всего» (*μάλιστα*) — дополнение Стефана, принятое Ставенгагеном.

⁴ Рукописное чтение — «излишествами» (*ὑπὸ πλεθους*). Перевод дается с учтом поправки (дополнение — *τροφῆς*), принятой Ставенгагеном.

жизни воздержанного, человека испытанной в делах доблести; старшие из вас испытали его воинские деяния, а остальные столько лет уважали его и восхищались им как городским префектом. (8) Судьба дает вам не только государя, но и превосходного отца. Его власть будет радовать не только вас, являющихся здесь его телохранителями, но и тех, кто размещен по берегам рек и на границах Римской державы,— они хранят в памяти его испытанные деяния. Варваров же мы не будем больше подкупать деньгами; они покорятся из страха, вследствие того, что испытали от него, когда он командовал войском». (9) Во время речи Лета народ, не сдерживая себя, хотя воины еще медлили и колебались, провозглашает Пертинакса Августом, именует его отцом и прославляет всяческими славословиями. Тогда и воины, хотя и не с такой же готовностью, под давлением присутствовавшего множества народа (ведь они были со всех сторон окружены народом, сами притом в небольшом числе и без оружия ввиду праздника) все же присоединились к крику и назвали Пертинакса Августом. (10) Принеся ему обычную присягу и совершив жертвоприношения, весь народ и воинство с лавровыми ветвями проводили на рассвете Пертинакса в императорский дворец.

3. (1) Он же, водворенный в императорском жилище,— туда его, как сказано выше, ночью проводили воины и народ — испытывал в мыслях тревогу, обуреваемый величайшими заботами. Пертинакса, хотя он и слыл человеком крепкой души и во всех отношениях мужественным, сильно страшило создавшееся положение, но не в силу соображений о собственном спасении (ведь он часто проявлял презрение к еще большим опасностям); он размышлял о внезапном прекращении тирании и о благородном происхождении некоторых лиц в сенате, которые, как он подозревал, не примирятся с переходом власти от знатнейшего государя к человеку, пробившемуся к ней из простого и незначительного рода. (2) Хотя образ его жизни благодаря воздержанности вызывал похвалы и он был славен своими воинскими деяниями, однако благородством происхождения он сильно уступал патрициям. С наступлением дня он отправился на заседание сената, не позволив ни нести перед собой факел, ни поднять вверх какой-нибудь другой символ, прежде чем не станет известным мнение сената. (3) Когда же при его появлении все единодушно восславили его и назвали Августом и государем, он сначала отказывался от власти, способной вызвать зависть, и, ссылаясь на старость, просил о снисхождении, говоря, что есть много патрициев, которым больше подходит императорская власть. Взяв на руку Глабриона, он начал тянуть его, предлагая сесть на императорский трон. (4) Тот был знатнейшим из патрициев (свой род он возводил по прямой линии к Энею, сыну Афродиты и Анхиса) и уже два раза был консулом. Он сказал: «Но сам я, которого ты считаешь достойнейшим из всех, уступаю тебе власть и своим голосованием я и все прочие отдаем тебе всю полноту власти». Тогда под давлением и по настоянию всех Пертинакс с колебаниями и неуверенно взошел на императорский трон и сказал следующее: (5) «Ваше очень благоприятное отношение к оказываемой мне чести и исключительное рвение, а также ваш выбор, в котором вы отдаете мне предпочтение перед вашей столь великой знатностью,— все это, не вызывающее подозрения в лести, но доказывающее и удостоверяющее ваше добре расположение, кому-нибудь другому, возможно, внушило бы смелость и готовность немедленно принять то, что вручено, и подало бы ему надежду на беззаботное правление, так как он будто бы легко справится с властью над столь расположенными подданными; (6) меня же, чувствующего значение оказанной мне чести, величие и исключительность всего этого приводят в смущение и внушают мне намалый страх и беспокойство. Ведь когда прежде оказываются великие благодеяния, равноценное воз-

даяние в качестве признательности становится трудным; и если получившие малое воздают большим, то это кажется не столько легким, сколько подобающим выражением благодарности; когда же тот, кто первым сделает какое-либо благодеяние, заслужит безмерную благодарность, то несоответствующее воздаяние именуется не столько безвыходностью, сколько бесчувственностью и вместе с тем неблагодарностью. (7) Вижу, что мне навязано необычное соревнование — выказать себя достойным столь великой чести, вами мне оказанной. Ведь председательство заключается не в кресле, но в действиях, когда человек не позорит это кресло. Насколько настоящее вызывает ненависть как дурное, настолько предстоящее пробуждает великие надежды как благое. И неблаговидные действия всегда запоминаются (ведь то, что огорчило, смывается с трудом), а память о благотворных действиях приходит к концу вместе с получаемой от них пользой, (8) так как свобода радует не в той степени, в какой печалит рабство, и всякий, спокойно владея своим достоянием, не испытывает признательности, думая, что он пользуется своей собственностью, а лишенный своего имущества вечно хранит память о том, кто его опечалил. Так же, если происходит какая-нибудь благоприятная перемена в государственных делах, он не думает, что получает от этого какую-нибудь выгоду, потому что у каждого в отдельности мало заботы о том, что полезно народу и имеет общее значение, а если в частных делах нет желанной удачи, каждый думает, что он не извлекает никакой выгоды. (9) Приученные роскошно жить благодаря безрассудным и расточительным щедротам тиарии не называют перемену, вызванную благоразумием и расчетливостью из-за недостатка денег, разумной бережливостью⁵ и обдуманным и рассудительным правлением, а бранят мелочность и нищенский образ жизни, не зная того, что великие и неразборчивые раздачи не могли бы быть продолжительными без грабежей и насилий, а стремление распределять все разумно и по заслугам каждого, не делая ничего ужасного, не доставляет несправедливого изобилия денег, но приучает к благоразумному и бережному отношению к тому, что добыто честным путем. (10) Уяснив себе это, вы должны содействовать мне и, считая управление державой нашим общим делом, готовясь подчиниться aristokratii, а не тиарии, сами иметь добрые надежды и всем подданным обещать это». (11) Пертинаке такой речью чрезвычайно обрадовал сенат и вызвал со стороны всех славословия, получив от них всяческий почет и знаки уважения; провожаемый в храм Юпитера и другие святынища и совершив жертвоприношения за императорскую власть, он возвратился в императорский дворец.

4. (1) Когда распространилась молва о том, что было сказано им в сенате, и о его послании народу, все чрезвычайно радовались, надеясь иметь в нем почтенного и ласкового начальника и отца, а не государя. Ведь он приказал воинам прекратить своеование по отношению к простым людям, не носить в руках дубинок и не бить никого из прохожих; он пытался во все внести благоустройство и порядок и во время своих выходов и в судах выказывал мягкий и кроткий нрав. (2) Старших он радовал, напоминая им о правлении Марка, которое онставил себе в образец и которому подражал, а расположение всех прочих, испытавших переход от жестокой и наглой тиарии к разумной и беззаботной жизни, он очень легко привлек к себе. Разнесшаяся молва о кроткой власти побуждала все племена, подвластные и дружественные Риму, а также все лагеря считать его власть божественной⁶. (3) Но и те из варваров, которые раньше проявляли непо-

⁵ «Разумной бережливостью» (*сэлбф сэфэрнх*) — конъектура Менделльсона, принятая Ставенгагеном; руконисное чтение (*сэлбф сэфэрнх*) дает труднопереводимое в данном контексте прилагательное, согласованное с существительным «правление».

⁶ Принимаем порядок слов, даваемый в изданиях Менделльсона и Ставенгагена.

слушание или сопротивлялись, боясь его и помня его доблесть в прежних его походах и глубоко веря, что он, всякому воздавая по заслугам, далекий от неуместной милости и жестокого насилия, никогда никого сознательно не обидит, добровольно подчинялись ему. Со всех сторон прибывали посольства, так как все радовались римской власти под началом Пертинаакса. (4) Все другие люди радовались и сообща и каждый в отдельности кроткой и соблюдающей порядок императорской власти. Но то, что восхищало всех, это и огорчало одних только находившихся в Риме воинов, которые обычно были телохранителями государей. Так как им запрещалось грабить и своеизъянничать и их призывали к порядку и благородству, они, считая мягкость и кротость власти глумлением над собой, бесчестием и упразднением ничем не сдерживаемого произвола, не выносили вводимой властью дисциплины. (5) Сначала они стали понемногу проявлять медлительность и неповинование по отношению к приказам; наконец, по прошествии неполных двух месяцев царствования Пертинаакса, после того как он за короткое время принял много разумных и благотворных мер и у подвластных стали возникать добрые надежды, злая судьба, позавидовав и опрокинув все, помешала довести до конца достойные удивления и полезные для поданных меры. (6) Прежде всего, он позволил занимать всякому в Италии и прочих странах сколько-нибудь хочет и может невозделанной и вообще совсем не обработанной земли, хотя бы она была собственностью императора, а проявив заботу и возделав ее, — стать ее хозяином; возделывающим землю он даровал освобождение от всех податей на десять лет и навеки беспрепятственное владение. (7) Он запретил обозначать его именем императорские владения, сказав, что они являются не частной собственностью царствующего, а общей и народной собственностью Римской державы. Отменив все попшлины, придуманные раньше при тирании с целью получать обильные средства — на берегах рек, в портах городов и на проездных дорогах, — он установил прежние свободные порядки. (8) Он намеревался еще больше облагодетельствовать подвластных, как это обнаруживали его планы; ведь он подверг гонению доносчиков в Риме и приказал карать тех, кто находился в разных местах, заботясь о том, чтобы никто не терпел от них вреда и не подвергался неосновательным обвинениям. Сенат особенно, но и все остальные ожидали, что будут проводить жизнь в безопасности и честь. (9) Он был таким скромным и так любил равенство, что даже своего сына, бывшего уже в юношеском возрасте, не ввел в императорский дворец; тот оставался в отеческом доме и посещал обыкновенные школы и гимназии для частных лиц, воспитывался и делал все наравне с остальными, нигде не выставляя напоказ императорского тщеславия или пышности.

5. (1) В то время как в жизни водворялось такое добронравие и благорядие, одни только телохранители, досадуя по поводу настоящего положения, тоскуя по грабежам и насилиям, происходившим при прежней тирании, и по возможности проводить время⁷ в распутстве и попойках, замыслили устранить Пертинаакса, так как он был для них несносным и нечестивым, и поискать кого-нибудь, кто вернет им прежний неограниченный и разнуданный произвол. (2) И вот внезапно, когда никто этого не ожидал, но все пребывали в спокойствии, они, направляясь бегом из лагеря под влиянием гнева и безрассудного порыва среди белого дня ворвались во дворец с поднятыми копьями и обнаженными мечами. (3) Перепуганная необычностью и неожиданностью происходившего дворцовая прислуга, находясь в небольшом числе и без оружия против многочисленных воору-

⁷ Выпавшее в рукописях существительное (*διαγωγής*), переведенное нами сочетанием «по возможности проводить время», вставлено в текст Рейске.

женных, не выдержала; все, покинув порученный им пост, бежали или через вход во двор или через другие входы. Немногие из преданных, сообщив Пертинаксу о нападении, советовали ему бежать и отдаваться под защиту народа⁸. (4) Он же, не послушавшись тех, кто давал ему полезный при данных обстоятельствах совет, считая это недостойным, неблагородным и не соответствующим императорской власти и прежней его жизни и действиям, не пожелал бежать или скрыться и, идя навстречу опасности, выступил, чтобы поговорить с ними, понадеявшись убедить их и на данный момент⁹ положить конец неразумному порыву. (5) Выйдя из своего покоя, он, встретившись с ними, пытался расспросить их о причинах их порыва и пробовал убеждать их не поддаваться неистовству, сам при этом сохраняя сдержанный и почтенный вид и соблюдая императорское достоинство и отнюдь не являя собой вид оробевшего, струсившего или умоляющего человека.

(6) «Быть мне убитым вами,— сказал он,— в этом нет ничего значительного или тяжкого для старца, достигшего — со славою — глубокой страсти — ведь всякой человеческой жизни неизбежно положен предел; вам же, сливущим стражами и охранителями государя, самим стать убийцами и запятнать свои правые руки кровью не только единоплеменной, но и императорской — смотрите, как бы это не оказалось в данный момент нечестивым, а впоследствии — опасным. Ведь я не сознаю за собой ничего, чем бы я вас огорчил. (7) Если вы испытываете неудовольствие по поводу смерти Коммода, то ведь нет ничего удивительного в том, что его, человека, постигла смерть. Если же вы думаете, то это случилось по злому умыслу, то в этом нет моей вины; вы знаете, что я вне всякого подозрения и в такой же степени, как и вы, не ведаю, что тогда произошло, так что если вы что-то подозреваете, предъявляйте обвинение другим. (8) Но все же, хотя он и скончался, у вас не будет недостатка ни в чем, что может быть дано¹⁰ пристойным образом и по заслугам, без насилия надо мной и без грабежа». Пытаясь говорить им такие речи, он был близок к тому, чтобы убедить некоторых из них, и немалое их число повернулось и начало уходить, испытывая уважение к старости почтенного государя, но более дерзкие¹¹, бросившись на старца, пока он еще говорил, убивают его. (9) Совершив такое жестокое дело, они, устрашившись своей отваги, желая удалиться до прихода народа и зная, что народная масса будет негодовать по поводу совершившегося, возвратились бегом в лагерь и, заперев все ворота и входы, оставались в стенах, поставив на башнях стражу, чтобы защищаться, если народ атакует стену. Такой конец постиг Пертинакса, жизнь и стремления которого изложены выше.

6. (1) Когда в народе распространилась весть об убийстве государя, всех охватило смятение и горе; они бегали как безумные, и несказанное волнение охватило народ — они искали совершивших убийство и не могли ни найти их, ни отомстить. (2) Особенно тяжело переживали совершившееся и смотрели на это как на общее несчастье члены сената, потерявшие кроткого отца и превосходного представителя. Снова был страх перед тиранией, так как по их ожиданиям именно этому радовались воины. (3) По прошествии одного или двух дней простолюдины начали расходиться,

⁸ В экспертах Иоанна Антиохийского (VII в. н. э.) после этих слов есть добавление «и сената» (см. издание Мендельсона, стр. 223, строка 16).

⁹ Слова «на данный момент» (*εἰς τὸ παρόν*), имеющиеся в части рукописей, исключаются из текста Мендельсоном и Ставенгагеном.

¹⁰ Слова «что может быть дано» (*δοθῆται δυναμέων*) представляют собой дополнение Шварца, принятое Ставенгагеном; Мендельсон отметил в этом месте лакуну.

¹¹ «Более дерзкие» (*οἱ θρασύτεροι*) — дополнение Шварца, принятое Ставенгагеном.

опасаясь каждый за себя, а высокопоставленные лица стали уезжать в расположенные как можно дальше от города имения, чтобы, находясь в Риме, не потерпеть чего-либо ужасного от власти, которая установится. (4) Воины же, узнав, что народ успокоился и никто не осмеливается мстить за кровь государя, продолжали, запершись, оставаться в стенах, но, выведя самых громкоголосых из своей среды, объявляли о продаже императорской власти, обещая вручить власть тому, что даст больше денег, и спомощью оружия беспрепятственно привести его в императорский дворец. (5) Когда это объявление стало известным, то более почтенные и рассудительные члены сената, а также сколько было патрициев и богатых людей, в небольшом числе уцелевших от тирании Коммода, не подошли к стене и не пожелали за деньги приобрести непристойную и позорную власть. (6) Некоему же Юлиану, уже бывшему консулом, слывшему обладателем огромных денежных средств, было сообщено об объявлении воинов, когда он под вечер пировал, пьяниствуя и опохмелся,— его невоздержанная жизнь вызывала нарекания. (7) И вот жена, дочь и толпа сотрапезников уговаривают его соскочить с ложа, поспешить к стене и узнать о том, что делается; по дороге они все время советуют ему схватить лежащую под ногами власть и, если бы кто-нибудь оспаривал ее, превзойти всех щедростью, так как он владеет несметными деньгами. (8) Подойдя к стене, он начал кричать, обещая дать все, сколько они желают, и говорил, что у него имеется очень много денег и сокровищницы, наполненные золотом и серебром. В то же самое время и Сульпициан, также из бывших консулов, ставший префектом Рима (он был отцом жены Пертинакса) явился, стремясь купить власть. (9) Его, однако, воины не допустили к себе из страха перед его родственными отношениями с Пертинаксом — как бы не оказалось какого-либо обмана с целью покарать за его убийство. Спустив лестницу, они подняли на стену Юлиана: отворить ворота они не хотели ранее, чем узнают о количестве денег, которое будет им дано. (10) Поднявшись, он пообещал им восстановить память о Коммоде, почести и изображения, которые уничтожил сенат, а также дать им свободу делать все, которую они при нем имели, а каждому воину столько серебра, сколько они не надеялись ни потребовать, ни получить; с деньгами не будет задержки — он сейчас же затребует их из дома. (11) Убежденные этим и окрыленные такими надеждами, воины провозглашают Юлиана императором и требуют, чтобы он вдобавок к своему собственному и унаследованному имени стал называться Коммодом. Подняв военные значки и вновь прикрепив на них изображения последнего, они стали готовиться сопровождать Юлиана. (12) Юлиан, принеся в лагере установленные императорские жертвы, вышел в сопровождении воинов, охраняемый большим их числом, чем это принято; ведь купив власть путем насилия и вопреки воле народа, с позорной и непристойной дурной славой, он, естественно, боялся, что народ будет ему противиться. (13) Итак, воины во всеоружии и сомкнутым строем в виде фаланги, чтобы в случае надобности сразиться, имея в середине своего государя, потрясая над головой щитами и копьями из опасения, как бы на их шествие не бросали с домов камни, отвели его во дворец, причем никто из народа не осмеливался противостоять, но и не славословил, как это принято при сопровождении государей; наоборот, стоя вдали, они проклинали его и злословили о нем, потому что он приобрел власть за деньги. (14) Тогда впервые начали портиться нравы воинов, и они научились ненасытно и постыдно стремиться к деньгам и пренебрегать подобающим уважением к правителям. То обстоятельство, что никто не выступил против дерзко осуществленного столь жестокого убийства государя и не воспрепятствовал столь непристойному объявлению и продаже власти за деньги, было начальным толчком и причиной их непристойного

и непокорного настроения и на будущее время, так как их корыстолюбие и презрение к правителям возросло и привело к пролитию крови.

7. (1) И вот Юлиан, придя к власти, сразу же стал заниматься удовольствиями и попойками, легкомысленно относясь к государственным делам и предавшись наслаждениям и недостойному времяпрепровождению. Как оказалось, он солгал воинам и обманул их, так как не мог выполнить то, что обещал; (2) ведь и собственных денег было у него не так много, как он хвастался, не было их и в государственных сокровищницах — все уже ранее было опустошено из-за разнозданности Коммода и его нерасчетливых и беспорядочных расходов. Вследствие такой его дерзости и по такой причине воины, обманутые в своих надеждах, роптали, а народ, узнав о настроении воинов, стал относиться к нему с презрением, так что при его выходах злословили и насмехались над его постыдными и сомнительными развлечениями. (3) На пути в ипподром, где народные массы, сходясь вместе, особенно тесно общаются между собой, они проклинали Юлиана и призывали на защиту Римской державы и на охрану императорской власти Нигера и высказывали пожелание, чтобы он как можно скорее пришел на помощь к ним, подвергающимся поруганию. (4) Нигер принадлежал к числу тех, кто давно уже был консулом, а в то время, когда в Риме происходило вышеописанное, он управлял всей Сирией. Это было тогда обширное и очень важное наместничество, так как все финикийское племя и земли до Евфрата находились под началом Нигера. (5) Сам он был уже в достаточно пожилом возрасте и успел прославиться во многих значительных делах. Была распространена молва, что он человек порядочный и дальний и подражает образу жизни Пертинаакса; все это и склонило римлян на его сторону. Они постоянно призывали его там, где собирался народ, и, проклиная присутствовавшего в Риме Юлиана, славословили того, отсутствовавшего, наделяя его императорскими званиями. (6) Когда Нигеру сообщили о настроении римского народа и о непрерывных возгласах в местах собраний, он, естественно, дав себя убедить и ожидая, что обстоятельства легко ему покорятся, особенно благодаря тому, что окружавшие Юлиана воины не дорожили им, так как он не выполнял своих обещаний насчет денег, предается надежде на захват императорской власти. (7) Сначала вызывая к себе на дом в небольшом числе начальников, трибунов и видных воинов, он беседовал с ними и убеждал их, открывая то, о чем извещали из Рима,— чтобы благодаря распространившемуся слуху все это стало известным и знакомым как воинам, так и прочим людям на Востоке; (8) он надеялся, что таким образом все очень легко присоединятся к нему, когда узнают, что он не по злому умыслу стремится к власти, но, будучи призван, пойдет, желая помочь просияющим его об этом римлянам. Все они воспламенились и без промедления присоединились к нему, настаивая, чтобы он взял в свои руки государственные дела. (9) Сирийское племя по природе легко возбудимо и склонно к изменению существующего положения. Была у них и какая-то приязнь к Нигеру, который мягко правил во всем и большую часть времени проводил в празднествах вместе с ними. Сирийцы по природе — любители празднеств; из них в особенности жители Антиохии, крупного и богатого города, справляют празднества почти круглый год — в самом городе и в предместьях. (10) Итак, Нигер, непрерывно доставлявший им зрелища, к которым они питают особенное пристрастие, и представлявший им свободу справлять праздники и предаваться веселью, естественно, почтался ими, так как делал то, что им нравилось.

8. (1) Зная об этом, созвав отовсюду воинов к назначенному дню, он, когда собралась и остальная масса и ему была приготовлена трибуна, поднявшись на нее, сказал так:

(2) «Кротость моего образа мыслей и осторожность перед великими дер-

заниями, возможно, давно известны вам. Я и теперь не выступил бы перед вами, чтобы произнести такую речь, если бы меня к тому побуждал только личный замысел и неразумная надежда или стремление к надежде на нечто большее¹². Но меня зовут римляне и своим непрестанным криком торопят меня протянуть спасительную руку и не смотреть безучастно на позорно повергнутую столь славную и овеянную доблестью со времен предков власть. (3) Подобно тому как дерзание на такие дела при отсутствии разумного повода является опрометчивым и наглым, так медлительность по отношению к зовущим и просящим влечет за собой обвинение в малодушии и вместе с тем в предательстве. Поэтому я выступил, чтобы узнать, каково ваше мнение и что, по-вашему, следует делать,— взяв вас в советники и соучастники в данных обстоятельствах; ведь исход, если он будет удачным, даст мне и вам общую выгоду. (4) Нас зовут не слабые и пустые надежды, а римский народ, которому боги уделили господство над всем и империей, а также неустойчивость власти, ни за кем прочно не утвердившейся. Наше начинание будет безопасным благодаря настроению призывающих и потому, что никто не противостоит и не препятствует нам; (5) ведь и те, кто сообщают о тамошних делах, говорят, что даже воины, которые продали ему власть за деньги, не являются его верными слугами, так как он не выполнил того, что обещал. Итак, дайте знать, каково ваше мнение».

(6) После такой его речи немедленно все войско и собравшаяся толпа провозгласили его императором и назвали Августом; набросив на него императорскую порфиру и вскоре собрав прочие знаки императорского отличия, они ведут Нигера с преднесением факела в храмы Антиохии и доставляют в его жилище, считая последнее уже не частным домом, а императорским дворцом и украсив его извне всеми императорскими символами.

(7) Нигер очень радовался этому в душе, он полагал, что его шансы на получение власти упрочились благодаря настроению римлян и рвению людей вокруг него. Ведь когда разнесшийся слух дошел до всех народов, населяющих лежащий против Европы материк, не оказалось никого, кто бы неохотно стремился подчиниться ему,— от этих народов отправлялись в Антиохию послы к нему как к признанному всеми государю. (8) Цари и сатрапы стран по ту сторону Тигра и Евфрата слали ему письма с выражением радости и обещали свою помощь, если он в чем-нибудь нуждается. Он в ответ щедро наделял их дарами и, выражая благодарность, говорил, что не нуждается в союзниках, так как его власть твердо упрочена и он будет править без пролития крови. (9) Воодушевленный этими надеждами, он стал менее заботиться о делах и, склонясь к изнеженности, предавался развлечениям вместе с антиохийцами, отдаваясь празднествам и зрелищам. Об отправлении в Рим, с чем следовало бы особенно спешить, он не думал. (10) Хотя необходимо было как можно скорее появиться перед иллирийскими войсками и привлечь их к себе, опередив других, он даже не извещал их ни о чем, что делается, надеясь, что тамошние воины, если они когда-нибудь узнают об этом, согласятся с желанием римлян и мнением лагерей, расположенных на Востоке.

9. (1) В то время как он предавался таким мечтам и убаюкивал себя пустыми и пеяными надеждами, о происшедшем начали приходить сообщения к паннонцам и иллирийцам и ко всему тамошнему войску, которое размещено по берегам Истра и Рейна и, удерживая живущих по ту сторону варваров, охраняет Римскую державу. (2) Начальствовал над всеми паннонцами (они находились под единой властью) Север, родом ливиец, про-

¹² Вслед за большинством издателей удерживаем в тексте исключенное Ставенагеном слово *ρεβγές* (большая — определение при «надежда»); соответственно сохраним чтение *επιθυμίας* (род. пад., не переделывая его в дат. пад.).

являвший силу и энергию в управлении, привыкший к суровой и грубой жизни, очень легко переносивший труды, быстрый в своих замыслах и скорый в исполнении задуманного. (3) Узнавая от тех, кто приносил сообщения, что висящую в воздухе власть над римлянами похитили Юлиан и Нигер¹³, осудив беспечность одного и малодушие другого... завладеть делами¹⁴. Его побуждали сновидения, подававшие ему такую надежду, а также предсказания и знамения, предвещавшие будущее; все это признается неложным и истинным тогда, когда исполняется в благоприятном смысле. (4) Большину часть этого он сам рассказал, внеся в свое жизнеописание, и сделал посвящения в виде официальных изображений; последнее же и наиболее важное сновидение, осветившее всю его надежду, и нам не следует обойти молчанием. (5) В то время как было объявлено о принятии власти Пертинаксом, Север, возвратившись домой после своего выхода, жертвоприношения и принесения присяги Пертинаксу, с наступлением вечера погрузился в сон; ему привиделся великолепный большой конь, украшенный императорскими бляхами, несущий на себе сидевшего верхом Пертинакса по Священной улице в Риме. (6) Когда он оказался у выхода на площадь, где прежде, при республике, народ сходился на народное собрание, конь стряхнул с себя Пертинакса и сбросил его, а перед ним, Севером, стоявшим поблизости¹⁵, склонился и, подняв его на свою спину, нес в безопасности и остановился на середине площади, высоко подняв Севера, так что все его видели и оказывали ему почет. И до нашего времени сохраняется в том месте огромное изображение этого сновидения, сделанное из бронзы. (7) Так Север, вознесшись в мыслях, надеясь на то, что божественный промысел призывает его к власти, начал испытывать настроение воинов, сначала привлекая к себе небольшими группами начальников, трибунов и видных людей в лагерях, беседуя с ними о Римской державе и говоря, что она совсем повержена и нет никого, кто бы ею управлял благородным образом и по достоинству. (8) Он осуждал находившихся в Риме воинов за их неверность и за то, что они запятнали свою присягу императорской и родственной кровью, говорил о необходимости отомстить и покарать за убийство Пертинакса. Он знал, что все воины в Иллирике помнят о командовании Пертинакса; (9) ведь в царствование Марка Пертинакса, воздвигнув много трофеев против германцев, назначенный военачальником и правителем Иллирика, проявил всяческое мужество в битвах против врагов, а по отношению к подчиненным выказал благожелательность и доброту в соединении с разумной и пристойной нетребовательностью; поэтому они, чтя его память, негодовали по поводу столь жестокого и дерзкого поступка с ним. (10) Ухватившись за этот предлог, Север легко вовлек их в то, чего хотел, притворяясь, будто он не так желает захватить власть и приобрести для себя могущество, как отомстить за кровь такого государя. (11) Тамошние люди очень крепки телом, пригодны для битв и очень кровожадны, но в такой же степени тяжкодумны и неспособны легко понять то, что говорится или делается с хитростью или коварством. И вот, поверив Северу, притворявшемуся, будто он огорчен и хочет отомстить за смерть Пертинакса, они предоставили себя в его распоряжение, так что

¹³ Предложенное Шварцом и принятое Ставенгагеном дополнение «Юлиан и Нигер» делает предложение понятным (другие конъектуры — см. критический аппарат у Мендельсона).

¹⁴ Перевод дается по тексту Ставенгагена, предложившего чтение *χαυδρίαν* (вместо рукописного *δισπράγαν*), установившего после этого слова лакуну и вставившего за неё слово *ἐπιθέσθαι*.

¹⁵ Ставенгаген, сохранив в тексте рукописное *ἄλλως*, ставит перед ним крест, обозначающий испорченное место. В критическом аппарате у Мендельсона и у Ставенгагена отмечена конъектура Гедике и К. Мюллера — *ἴσσον*, соответствующая *proxime* в переводе Полициано.

объявили его императором и вручили ему власть. (12) Узнав настроение паннонцев, он начал рассыпать своих людей в соседние провинции и ко всем правителям подчиненных римлянам северных племен и, склоняя их всех большими обещаниями и надеждами, легко привлек их к себе. (13) Больше чем кто-либо другой из людей он обладал особой способностью притворяться и внушать доверие к своей благожелательности, не скучился на клятвы, чтобы затем, если нужно было, нарушить их, прибегал ко лжи ради выгоды, и с языка его сходило то, чего не было на уме.

10. (1) Удовлетворив своими посланиями всех в Иллирике...¹⁶ и вместе с тем начальников, он привлек их к себе. Собрав отовсюду воинов и назвав себя Севером Пертинааксом, что, как он надеялся, было приятно не только иллирийцам, но и римскому народу ради памяти о Пертинаксе, он созвал их на равнину и, когда для него была воздвигнута трибуна, поднявшись на нее, сказал следующее: (2) «Вашу верность и благочестие по отношению к богам, которыми вы клянетесь, ваше уважение к государям, которых вы почитаете, вы обнаружили тем, что негодуете на дерзостный поступок находящихся в Риме воинов, которые служат больше для торжественных шествий, нежели для проявления мужества. И мне, никогда раньше не имевшему в мыслях такой надежды (ведь вам известно мое повинование по отношению к прежним государям), желательно теперь довести до конца и завершить то, что угодно вам, и не смотреть безучастно на повергнутую Римскую державу, (3) которая прежде, до Марка, управлялась с соблюдением достоинства и казалась священной; когда же она досталась Коммоду, то хотя кое в чем он по молодости допускал оплошности, однако последние прикрывались его благородным происхождением и памятью отца; и его проступки вызывали больше сожаление, чем ненависть, так как большую часть того, что происходило, мы относили не к нему, а к окружавшим его льстецам, одновременно советчикам и слугам неподобающих дел. (4) Когда же власть перешла к почтенному старцу, воспоминание о мужестве и порядочности которого ещеочно в наших душах, они этого не вынесли, по устранили такого мужа путем убийства. Некто, позорным образом купивший столь великую власть над землей и морем, ненавидим, как вы слышите, народом и уже больше не внушает доверия тамошним воинам, которых он обманул. (5) Их, если бы даже они, оставаясь преданными, стали ради него в строй, вы все вместе превосходите числом, а каждый в отдельности — храбростью; вы закалены упражнениями в военных делах и, всегда выстроенные против варваров, привыкли переносить всякие труды, презирать морозы и жару, ступить по замерзшим рекам и пить выкапываемую, а не черпаемую из колодца воду. Вы закалились на охотах, и во всех отношениях у вас имеются благородные данные для проявления мужества, так что если бы даже кто-нибудь захотел противостоять вам, он не мог бы сделать это. (6) Проверка воинов — напряжение, а не роскошная жизнь; взращенные в ней и предаваясь попойкам, они не будут в состоянии вынести ваш крик, а не то что битву. Если же кто-нибудь относится с подозрением к тому, что происходит в Сирии, то он мог бы заключить о плохом состоянии и безнадежности тамошних дел из того, что те не осмелились выступить из своей страны и не решились задумать поход на Рим, охотно оставаясь там, и считают достижением для своей еще не прочной власти один день роскошной жизни. (7) Сирийцы обладают способностью остроумно, с шуткой насмехаться и особенно жители Антиохии, которые, как говорят, привержены к Нигеру; остальные же провинции и остальные города за исключением теперь того, кто будет достоин власти, за отсутствием

¹⁶ Лакуну в тексте издатели (Мендельсон, Ставенгаген) оставляют незаполненной, отмечая в критическом аппарате конъектуры Шотта (*στρατιώτας* — «воинов») и Ланге (*ευαγγέλιος* — «жителей»).

того, кто будет властвовать, управляя мужественно и разумно, явно притворяются, что подчиняются ему. (8) Если же они узнают, что иллирийские силы проголосовали единодушно, и услышат наше имя, которое для них не является безвестным и незначительным со временем нашего управления там в качестве наместника, будьте уверены, что они не будут обвинять меня в нерадивости и вялости и, значительно уступая вам в росте, выносливости в трудах и в рукопашном бою, предпочтут не испытать на себе вашу крепость и стойкость в бою. (9) Итак, поспешим раньше занять Рим, где находится императорское жилище; двигаясь оттуда, мы без труда будем управлять остальным, доверяясь божественным прорицаниям и мужеству вашего оружия и ваших тел».

После такой речи воины, славословия Севера и называя его Августом и Пертинаксом, выражали всяческую готовность и рвение.

11. (1) Север же, не давая времени для промедления, приказал им снарядиться как можно легче и объявил об отправлении к Риму; распределив средства и припасы на дорогу, он двинулся в путь. Поход он совершил быстро, форсированным маршем и с сильным напряжением, нигде не задерживаясь и не давая времени для передышки, разве что настолько, чтобы воины, немного отдохнув, продолжали путь. (2) Он разделял с ними их труды, пользовался простой палаткой, и ему подавали ту же пищу и то же питье, какие, как он знал, были у всех; нигде он не выставлял напоказ императорскую роскошь. Поэтому он обеспечил себе еще большую преданность воинов; уважая его за то, что он не только вместе с ними переносит трудности, но первый берет их на себя, воины ревностно выполняли все.

(3) Быстро пройдя Паннонию, он появился у границ Италии и, опередив молву, представил перед тамошними жителями как уже прибывший государь раньше, чем они услышали о предстоящем его прибытии. Великий страх охватывал итальянские города, когда они узнавали о нашествии такого большого войска. Ведь люди в Италии, давно отвыкнув от оружия и войн, занимались земледелием и жили среди полного мира. (4) Пока Рим управлялся по-республикански и сенат посыпал на войну полководцев, все итальянцы были под оружием и покорили землю и море, воюя с этническими и варварами, и не было такой части земли или склона неба, куда бы римляне не распространяли свою власть. (5) С тех пор же как единовластие перешло к Августу, последний освободил итальянцев от трудов, лишил их оружия и окружил державу укреплениями и лагерями, поставив панятых за определенное жалование воинов в качестве ограды Римской державы; он обезопасил державу, отгородив ее великими реками, оплотом из рвов или гор, необитаемой и непроходимой землей. (6) Поэтому тогда, узнавая о том, что подходит Север с таким большим войском, они, естественно, приходили в смятение от необычности этого события; противостоять или препятствовать они не осмеливались, но выходили навстречу с лавровыми ветвями и принимали, раскрыв ворота. Он же останавливался настолько, чтобы принести жертвы и обратиться с речью к народу, и спешил в Рим. (7) Когда об этом сообщали Юлиану, он внадал в крайнее отчаяние, слыша о мощи и многочисленности иллирийского войска, не доверяя народу, так как последний его ненавидел, из полагаясь на воинов, которых он обманул. Собирая всякие деньги — и свои собственные, и от друзей, и забирая из государственных казнохранилищ и храмов те, какие там находились, он пробовал распределить их между воинами, чтобы приобрести их расположение. (8) Они же, хотя и получали большие деньги, не испытывали благодарности: ведь они считали, что он выплачивает свой долг, а не раздает подарки. Юлиан же, хотя друзья советовали ему вывести войско и заранее занять проходы в Альпах — эти высочайшие горы, которых больше нет на нашей земле, наподобие стены ограждают Италию и выдвину-

нуты вперед — природа вдобавок к прочим благам наделила итальянцев и этим: на подступах к ним имеется выдвинутое вперед несокрушимое и...¹⁷ прикрытие, доходящее от северного моря до моря, обращенного к югу, (9) однако Юлиан не осмеливался даже выйти из города; он рассыпал людей, прося воинов вооружаться, упражняться и рыть окопы перед городом. Его приготовления были такими, словно он намерен был дать битву Северу в городе; всех слонов, которые служат римлянам для торжественных шествий, он приучал носить на спинах башни и людей, думая таким образом поразить иллирийцев и привести в смятение вражескую конницу — видом и величиной животных, ранее ими не виданных. Тогда весь город изготавливал оружие и готовился к военным действиям.

12. (1) В то время как воины Юлиана все еще медлили и подготовляли то, что нужно для войны, приходит сообщение, что Север уже подходит. Последний, разъединив большую часть войска, приказывает прокрадываться в город. Они, разделившись по всем дорогам, в большом числе...¹⁸ ночью тайно проникли в Рим, скрывая оружие в гражданской одежде. (2) И уже враги были внутри, а Юлиан все еще был спокоен и не знал, что творится. Когда это стало известно народу, все были в большом замешательстве и, страшась моц Севера, притворялись его сторонниками, осуждая Юлиана за малодушие, а Нигера за медлительность и беззаботность; Севером же, слыша о том, что он уже пришел, они восхищались. (3) Юлиан в полном недоумении — что говорить и что делать, не зная, как поступить при таких обстоятельствах, приказав собраться сенату, посыпает письмо, в котором предлагал Северу мир и, объявив его императором, делал его соучастником власти. Сенат одобрил это, но все, видя, что Юлиан робеет и находится в отчаянии, стали уже переходить на сторону Севера. (4) По прошествии двух или трех дней, слыша, что Север уже у самого города, они, презрев Юлиана, сходятся в здание сената по распоряжению консулов, которые обычно управляют римскими делами, когда императорская власть теряет устойчивость. (5) Собравшись, они рассуждали о том, что следует предпринять, в то время как Юлиан все еще находился в императорском дворце, жалуясь на постигшую его судьбу, умолял и готов был¹⁹ отречься от власти и уступить всю полноту ее Северу. (6) Узнав, что Юлиан в такой степени пал духом и страже из телохранителей из страха перед Севером покинула его, сенат постановляет — Юлиана убить и провозгласить Севера единственным императором; сенаторы отправляют к последнему посольство из должностных лиц и самых видных сенаторов, чтобы поднести ему все знаки достоинства Августов. (7) К Юлиану посыпается один из трибунов, чтобы убить малодушного и жалкого старика, за собственные деньги купившего такой плохой конец. Его нашли покинутым и оставленным всеми; постыдно жалуясь, он был умерщвлен.

13. (1) После того как Северу было сообщено о постановлении сената и об убийстве Юлиана, он в своих мыслях поднялся до более крупных действий и прибегнул к уловке, чтобы заполучить в свои руки и захватить убийц Пертинаакса. Он тайно посыпает письма лично трибунам и центурионам с большими обещаниями, чтобы они убедили находившихся в Риме воинов беспрекословно повиноваться приказам Севера; (2) отправляет он и общее послание в лагерь с приказом оставить в лагере все оружие²⁰, а самим вый-

¹⁷ В тексте лакуна. Были предложены дополнения: «непроходимое», «трудно проходимое» (см. критический аппарат у Менделльсона).

¹⁸ Менделльсон и Ставенгаген усматривают здесь лакуну вслед за Рейске, который предложил дополнение: «днем, а еще в большем» (текст, по Рейске, должен читаться так: πολλοὶ μὲν μεθ' ἡμέραν, ἔτι δὲ πλείους νύκτωρ εἰς Ρώμην τ. д.).

¹⁹ Слова «и готов был» (*καὶ μέλλοντος*) — конъектура Шварца, принятая Ставенгагеном.

²⁰ Слово «оружие» (*τὰ ἵπλα*) взято Ставенгагеном из одной части рукописей.

ти мирным строем, обычным в тех случаях, когда они идут перед императором, совершающим жертвоприношения или справляющим празднество, затем принести присягу Северу, идти же с добрыми надеждами, так как они будут телохранителями Севера. (3) Поверив посланию и склоненные трибунами, воины оставили все оружие, а сами спешли в одних только предназначенных для шествий одеждах, неся лавровые ветви. Когда они пришли к лагерю Севера и было объявлено об их прибытии на поле, куда приказывает им сойтись Север... ²¹ как бы для того, чтобы приветствовать их и обратиться к ним с речью. (4) Как только они подошли, чтобы единодушно славословить взошедшего на трибуну Севера, всех их по единому сигналу схватывают; ведь войску Севера было заранее сказано — когда те будут стоять, глядя на государя, и их внимание будет поглощено этим, окружить их по военным правилам, никого не ранить и не поражать, но удерживать и сторожить, расставив вокруг них оружие, потрясать дротиками ²² и копьями, чтобы они, опасаясь ранений, не пытались сражаться небооруженными против вооруженных и немногочисленных против многочисленных. (5) Когда же он держал их пленниками, окружеными оружием, словно поймав их на облаве, он громким голосом и гневным тоном сказал им следующее: «Что мы превосходим вас и хитростью, и воинской силой, и численностью соратников,— это вы видите на деле: вы легко захвачены и взяты в плен без всякого труда. Я могу сделать с вами то, что мне будет угодно, и вы уже лежите как жертвы нашего могущества. (6) Если бы кто-нибудь поискал ²³ наказание за ваши дерзновенные поступки, то не мог бы найти кару, наложение которой было бы подходящим для соудейенного. Почтенного старца и превосходного государя, которого следовало бы спасать и охранять, вы убили; всегда славную власть над Римом, которую наши предки приобрели благодаря доблестному мужеству или получили по наследству благодаря благородному происхождению, вы постыдно и бесчестно продали за деньги как какое-то частное имущество. (7) Но и того, кого вы таким образом выбрали властителем, вы оказались не в состоянии оберечь и спасти, но трусливо предали его. За столь великие проступки и дерзновенные дела вы достойны бесчисленного количества смертей, если бы кто-нибудь пожелал определить кару. Вы видите, что вам следует претерпеть; но я пощажу вас и не убью и не буду подра�ать делам ваших рук; (8) однако так как было бы и нечестиво и несправедливо, чтобы вы оставались телохранителями государя,— вы, кощунственно нарушившие присягу, запятнавшие свои правые руки родственной и императорской кровью, предавшие верность и надежность стражи,— получите как дар моего человеколюбия ваши души и тела, но воинам, оценившим вас, я велю разжаловать вас и, сняв с вас имеющуюся на вас воинскую одежду, отпустить вас обнаженными. (9) Приказываю вам уйти как можно дальше от Рима; угрожаю, клянусь и заявляю, что если кто-нибудь из вас окажется ближе сотого мильного камня от Рима, он поплатится головой».

(10) После такого его приказа иллирийские воины, подбежав, отнимают висевшие у них на боку и служившие для шествий короткие мечи, украшенные серебром и золотом, и, сорвав с них пояса, одежды и всякие воинские знаки, выгнали их. (11) Они же, вероломно преданные и захваченные хитростью, подчинялись — что было делать обнаженным против вооруженных и немногочисленных против многочисленных? Они ушли, сокрушаясь, и были рады дарованной им сохранности, но, захваченные

²¹ Лакуну в тексте установил Мендельсон; Ставенгаген принял это мнение.

²² Диболия — копье, заостренное с обоих концов.

²³ Перевод дается по тексту Ставенгагена, принявшего конъектуры Шварца (Schwartz, Герман). Рукописное чтение требовало бы перевода: «если бы вы искали наказание» и т. д. (εφεις и т. д., ζητείτε).

позорным и издевательским образом, раскаивались в том, что пришли не вооруженными. (12) Север прибегнул и к другой хитрости: опасаясь, как бы они после разжалования в отчаянии не побежали в лагерь и не взялись за оружие, он предварительно послал отборных, известных ему своей силой людей разными дорогами и тропинками, чтобы они незаметно вошли в лагерь, где не было ни одного человека, и, завладев оружием, не пускали бы тех, если бы те подступили. Такое наказание получили убийцы Пертинаакса.

14. (1) Север же со всем прочим вооруженным войском вступает в Рим; при самом своем появлении он поразил и привел в ужас римлян своими удачными дерзновенными деяниями. Народ и сенат принимали с пальмовыми ветвями первого из людей и государей, бескровно и без труда завершившего столь великие начинания. (2) Все в нем вызывало удивление, больше всего — присутствие ума, стойкость в трудах, соединенная с твердой уверенностью, смелость в дерзновениях. После того как народ принял его со славословием и сенат приветствовал его при вступлении в город, он, поднявшись в храм Юпитера и принеся жертву, совершив, как это полагается государю, при благоприятных знамениях жертвоприношения в прочих храмах, удалился во дворец. (3) На следующий день, явившись в сенат, он обращался ко всем с речами, очень благожелательными и преполненными добрых надежд, приветствуя всех вместе и в отдельности, говоря, что он приходит как каратель за убийство Пертинаакса; власть его послужит основанием²⁴ для введения аристократии, и без суда никто не будет казнен и не лишится имущества; он не потерпит доносчиков, но доставит подвластным полнейшее благодеяние и будет во всем поступать, соревнуясь с властью Марка, и будет иметь не только имя Пертинаакса, но и его образ мыслей. (4) Говоря так, он внушал большинству расположение и доверие к своим обещаниям. Однако некоторые из старших, знаяших его нрав, предсказывали втайне, что он — человек изворотливый и умеющий искусно браться за дела, в высшей степени способный прикинуться и притворно выказать все, что угодно, а также достигнуть того, что ему выгодно и полезно; это впоследствии и обнаружилось на деле.

(5) Проведя недолгое время в Риме и произведя щедрые раздачи народа, устроив зрелища²⁵, наделив многими дарами воинов, отобрав самых цветущих для службы телохранителями государя вместо разжалованных, он стал спешить на Восток; (6) пока Нигер все еще медлил, бездействовал и роскошествовал в Антиохии, Север хотел предстать неожиданно, чтобы застать его неподготовленным. Итак, он приказал воинам готовиться к выступлению и со всех сторон стягивал войско, вызывая юношей из городов Италии, и во время похода отдавал приказания остававшимся еще в Иллирике воинским частям, спустившись во Фракию, соединиться с ним. (7) Он спаряжал и морской флот и выслал имевшиеся в Италии триеры, наполнив их тяжеловооруженными. С величайшей быстротой у него собирались большие и разнообразные силы: он ведь знал, что ему нужны немалые силы для борьбы со всем расположенным против Европы материком, стоявшим на стороне Нигера.

15. (1) Он энергично занимался приготовлением к войне. Как человек предусмотрительный и трезвый, он с подозрением смотрел на находившиеся в Британии очень многочисленные и состоявшие из воинственнейших

²⁴ В подлиннике оба слова — «основание» и «введение» — поставлены в винительном падеже и зависят от глагола «сделает» (*τὴν δὲ ἀρχὴν παρέξειν ἀφορμὴν καὶ εἰσέδου ἀριστοκρατίας*). Кроме того, слово «основание» (*ἀφορμήν*) добавлено Шварцом и принято Ставенгагеном.

²⁵ Слово «зрелища» (*θέας*) вставлено в текст Стефаном и принято не только Ставенгагеном, но и предшествовавшими издателями (Беккером, Мендельсоном).

людей силы. Всей Британией правил Альбин — муж, родом из сенатских патрициев, воспитанный в унаследованном от предков богатстве и роскоши. (2) Его Север пожелал привязать к себе, обойдя его хитростью, чтобы тот, имея такие побудительные причины к стремлению захватить императорскую власть, полагаясь на богатство и знатность, на мощь войска и свою известность у римлян, не попытался завладеть государственными делами и не подчинил себе находящийся на недалеком расстоянии Рим, пока сам Север занят на Востоке. (3) Вот он и приманивает притворным почетом этого человека, который и вообще был некрепок умом и простодушен и тогда поверил Северу, заверявшему его многими клятвами в письмах. Он объявляет его Цезарем, предупредив его надежду и стремление приобщением к власти. (4) Север посыпает Альбину дружественнейшие письма, умоляя его предаться заботам о державе: нужен будто бы муж благородного происхождения и именно такого цветущего возраста, так как сам он стар и мучается болезнью суставов, а дети у него еще очень малы. Поверив этому, Альбин принял почесть с радостью, удовольствовавшись тем, что без битвы и опасности получил то, к чему стремился. (5) Сделав о том же донесение сенату, Север, чтобы внушить большее доверие Альбину, приказал выбить монеты с его изображением и постановкой статуй и прочими почестями подтвердил дарованную милость. Мудро обезопасив себя со стороны Альбина и не испытывая страха перед Британией, он, имея при себе все иллирийское войско, полагая, что все уложено на пользу его власти, поспешил против Нигера. (6) Остановки на пути, произнесенные им в каждом городе речи, знамения, часто появлявшиеся, как казалось, по божественному промыслу, все местности и бои, число павших с обеих сторон в битвах воинов — об этом обстоятельно рассказали многие авторы историй и стихотворным размером поэты, бравшие темой для всего своего произведения жизнь Севера. (7) Моей же целью является описать, соединив их вместе, известные мне деяния многих государей за семьдесят лет. Итак, я в дальнейшем изложу из отдельных действий Севера важнейшие и приводившие к успеху, ничего не превознося из угодливости, как это сделали писавшие в его время, и не пропуская ничего, что достойно рассказа и упоминания.

КНИГА III

1. (1) Конец Пертинакса, ниспровержение Юлиана, прибытие Севера в Рим и поход против Нигера описаны в предыдущей книге. Нигер, получив совершенно неожиданное для него известие, что Север захватил Рим, что сенат провозгласил его императором и что Север ведет против него все пешее иллирийское войско и флот, впал в величайшее смятение; он начал рассыпать наместникам провинций приказы охранять все подходы к стране и все гавани. (2) К царям¹ парфян, армян и атреонов он отправил послов, прося их быть ему союзниками. Армянский царь ответил, что он не будет союзником ни того, ни другого — с него будет довольно охранять свое, так как Север уже приближается. Парфянский обещал приказать своим сатрапам собирать силы: это у них обычный способ собирать войско, когда возникает в нем нужда, так как наемников и постоянной армии у них нет. (3) Атрены же по приказанию тамошнего царя Барсемия вступили в союз и прислали ему лучников. (4) Все остальное войско Нигер собрал из находившихся поблизости военных лагерей. Очень многие граждане

¹ В рукописях «к царю» (*πρὸς τὸν βασιλέα*). Мендельсон исправил: «к царям» (*πρὸς τοὺς βασιλεῖς*).

Антиохии, особенно юноши, по легкомыслию и из преданности Нигеру вступили в армию, поступая так скорее по неопытности, чем по зрелому размышлению. Нигер приказал укрепить теснины и ущелья горы Тавра мощными стенами и валами, полагая, что эти укрепления сделают проходящие на востоке дороги неприступными. Тавр лежит между Каппадокией и Киликией и разделяет живущие к северу и к востоку народы. (5) Нигер послал вперед войско, чтобы оно овладело Византием, самым крупным и цветущим из городов Фракии, богатым людьми и средствами. Расположенный в самом узком месте пролива Пропонтиды, этот город имел большие доходы от морских пошлин и рыбной ловли; владея обширной и богатой территорией, он получал выгоды от обеих стихий. (6) Вот почему Нигер хотел заранее занять могущественный город, надеясь, главным образом, что сможет этим помешать переправе из Европы в Азию через пролив. Город был окружен мощной, очень высокой стеной, сделанной из мельничных четырехгранных камней, так плотно скрепленных и соединенных между собой, что всякий счел бы, что сооружение сделано из единой глыбы, а не составлено из разных частей. (7) Еще и теперь, когда видишь сохранившиеся обломки и остатки этой стены, удивляешься и искусству первоначальных строителей и силе последующих разрушителей. Нигер считал, что он таким образом весьма предусмотрительно обезопасил себя.

2. (1) Север между тем двигался с величайшей поспешностью, не давая своему войску ни отдыха, ни покоя. Получив известие, что Византий занят, и зная, что он очень сильно укреплен, Север приказал войску перевопляться к Кизику. (2) Эмилиан, наместник Азии, которому Нигер вручил управление страной и власть над войском, узнав, что армия Севера движется к Кизику, и сам направился туда же со всем войском — и тем, которое он набрал сам, и тем, которое ему прислал Нигер. Когда оба войска встретились, то в этих местах разыгрались крупные бои и победила армия Севера; воины Нигера обратились в бегство, и многие были перебиты, так что надежды пришедших с Востока были разбиты, а надежды иллирийцев получили подкрепление.

(3) Некоторые говорят, что дело Нигера погибло с самого начала из-за предательства Эмилиана. Называют две причины этого предательства. Одни говорят, что он злоумышлял против Нигера, завидуя ему и досадуя, что тот, его преемник по наместничеству в Сирии, теперь намеревается стать сильнее его, как государь и владыка. Другие утверждают, что Эмилиана толкнули на это решение его дети, которые прислали ему письмо и молили поступить так для их спасения. Север, найдя их в Риме, схватил и держал под стражей. Он весьма предусмотрительно воспользовался этой хитростью. (4) Так же и у Коммода было обыкновение оставлять у себя детей наместников, посыпаемых в провинцию, чтобы иметь залог их преданности и верности. Зная это, Север, как только был провозглашен императором (а Юлиан был еще жив), тайно послав людей, позаботился о том, чтобы его собственные дети были выкрадены из Рима и не оставались во власти другого. (5) Сам же он, как только вступил в Рим, схватил всех детей тех, кто был наместником или занимал какие-нибудь должности на Востоке и по всей Азии, и держал их при себе под стражей, чтобы наместники, желая спасти своих детей, покинули Нигера или, если уж они останутся ему верны, то прежде чем успеть причинить зло, пережили бы горе от потери своих детей. (6) После поражения при Кизике сторонники Нигера бежали со всей возможной быстротой, одни в предгорья Армении, а другие в Галатию и Азию, стараясь побыстрее перейти Тавр, чтобы оказаться по ту сторону укреплений. Войско же Севера, пройдя область Кизика, поспешно направлялось к соседней Вифинии.

(7) Едва распространился слух о победе Севера, тотчас же во всех этих провинциях начались распри и несогласия в городах и это не вследствие какой-либо вражды или, напротив, расположения к воюющим государям, но из ревности, зависти, ненависти друг к другу и желания уничтожить своих же соплеменников. (8) Это — старинная болезнь эллинов, которые, постоянно находясь в раздорах и стремясь истребить тех, кто казался выделяющимся из других, погубили Элладу. Их государства, одряхлев и изнутив друг друга, стали сначала легкой добычей македонцев, а затем рабами римлян. Эта болезнь ревности и зависти перешла и к процветающим в наше время городам. (9) В Вифинии тотчас после битвы при Кизике к Северу присоединились никомедийцы, через послов предлагая Северу принять его войско и доставить ему все необходимое. Никейцы же из ненависти к никомедийцам придерживались противоположного образа мыслей: они были готовы принять войско Нигера и тех беглецов, которые добирались до них, а также войска, посланные Нигером для защиты Вифинии. (10) Войска устремились из двух городов, будто из двух лагерей, и сошлись друг с другом. Завязалась ожесточенная битва, и сторонники Севера получили значительный перевес. Оставшиеся в живых воины Нигера бежали и оттуда поспешно пробирались к теснинам Тавра, где, заградив укрепление, охраняли его. Сам Нигер, оставив достаточную, по его мнению, охрану укреплений, устремился в Антиохию, собирая войско и деньги.

3. (1) Войско Севера, пройдя Вифинию и Галатию, вторглось в Каппадокию, где задержалось для осады укреплений. Здесь его ждали немалые трудности, так как дорога была камениста, узка и потому трудно проходима, а осажденные, стоявшие за зубцами стены, бросали на них сверху камни и отважно отбивались. Немногие воины легко удерживали большое войско. (2) Одну сторону узкой тропы защищает очень высокая гора, а с другой стороны — глубокая пропасть, образованная стекающими с гор потоками. Вот это место и было укреплено Нигером со всех сторон, чтобы воспрепятствовать проходу войска. (3) Так обстояли дела в Каппадокии.

Между тем из-за упомянутой уже зависти и вражды в Сирии между лаодикейцами и антиохийцами вспыхнули раздоры, а в Финикии — между тирийцами и беритийцами. Узнав о бегстве Нигера, они пытались лишить его почестей и стали славословить Севера. (4) Когда Нигер, находясь в Антиохии, узнал об этом, то, хотя он и отличался раньше добрым нравом, естественно вознегодовал за это предательство и своеволие и послал против обоих городов своих мавританских копейщиков и часть лучников, приказав им убивать встречных, грабить имущество в городах, а самые города — поджигать. (5) Мавританцы, весьма кровожадные, отчаянные, легко дерзющие презирать смерть и опасность, ворвались неожиданно в Лаодикею и подвергли народ и город всяческому поруганию. Оттуда они поспешили к Тиру, где подожгли весь город и учили великий грабеж и резню.

(6) В то время как происходили все эти события в Сирии и Нигер собирал войско, армия Севера, обложив укрепление, осаждала его. Воины Севера очень пали духом и были в отчаянии вследствие прочности и неодолимости укреплений, защищенных к тому же горой и обрывом. (7) Когда воины изнемогли, а их противники считали, что можно менее заботиться об охране, ночью внезапно хлынул сильнейший ливень с обильным снегом (ведь вся Каппадокия весьма холодная страна, а Тавр особенно). Итак, обрушился огромный, бурный поток, и поскольку на его привычном пути находилось укрепление, задерживавшее воду, то поток стал еще больше и мощнее; и вот тогда природа победила мастерство — стены не смогли устоять против напора, вода понемногу разрушила места скрепления

камней и, наконец², фундамент, сделанный поспешно и без тщательности, не выдержал³; поток, найдя дорогу, проложил себе путь. (8) Когда стража, поставленная у укрепления, увидела это, то, испугавшись, что враги появятся сзади и окружат их — после того как прорвался поток, ничто уже не препятствовало этому, — убегает, бросив посты. Войско же Севера обрадовалось тому, что произошло, воспрянуло духом, словно направляемое божественным провидением; узнав, что стража бежала, оно легко и беспрепятственно перешло Тавр и вступило в Киликию.

(4) (1) Нигер, узнав о случившемся и собрав большое, но непривычное к боям и трудам войско, шел быстрым маршем. Ведь множество людей и почти вся молодежь Антиохии с готовностью совершила поход и подвергалась опасностям ради Нигера. У этого войска не было недостатка в рвении, но оно очень уступало иллирийцам в опыте и силе.

(2) Оба войска сошлись на очень открытой, продолговатой равнине у так называемого Иссского залива; ее окружает возвышенность наподобие амфитеатра, морской берег тянется очень далеко, словно природа создала это место для битвы. (3) Говорят, что здесь Дарий вступил в последнюю величайшую битву с Александром, был побежден и захвачен в плен, причем и тогда люди из северных областей победили восточных. Еще и теперь остается трофеи и знак той победы — город на холме по имени Александрия и медная статуя того, чье имя носит это место.

(4) Случилось так, что не только в том же самом месте произошло столкновение между войсками Севера и Нигера, но и исход битвы был таким же. Вечером оба войска разбили лагери друг против друга, и всю ночь те и другие бодрствовали в тревогах и страхе; с восходом солнца они двинулись друг на друга, ободряемые своими полководцами. Оба войска бросились в битву со всем пылом, как в решающий последний бой, где судьба должна определить, кому быть государем. (5) Они так долго сражались и столько было убитых, что волны текущих по равнине рек несли в море больше крови, чем воды; наконец, восточные люди бежали; оттеснив их, иллирийцы одних сбрасывали в лежащее рядом море, а других, бежавших на холмы, преследовали и убивали, а вместе с ними и множество других людей, которые собирались из ближних городов и деревень поглядеть на происходящее с безопасного места.

(6) Нигер верхом на своем могучем коне убегает вместе с немногими и прибывает в Антиохию. Здесь он нашел бегущий народ, который как-то уцелел, услышал в городе стоны и плач тех, кто оплакивал детей и братьев; впав в отчаяние, он сам бежал из Антиохии. Скрываясь в каком-то предместье, он был найден преследовавшими его вадниками, схвачен и обезглавлен.

(7) Так кончил жизнь Нигер, поплатившись за свою нерешительность и медлительность, человек, как говорят, во всем остальном неплохой и как правитель, и в частной жизни. Север, уничтожив Нигера, беспощадно покарал его друзей, не только тех, кто добровольно служил ему, но и вынужденных к этому. Узнав, что воины, которым удалось бежать, переходят реку Тигр и уходят к варварам из страха перед ним, Север возвратил их, объявив амнистию (впрочем, не всем)⁴. (8) Большое число их удалось в чужие страны. Это и послужило главной причиной того, что варвары этой области впоследствии стали более упорными в рукопашных

² Вместо добавленного в переводе слова «наконец» Беккер читал «пока» («εστεδή»). Конъектура Беккера принятая Мендельсоном.

³ Испорченное место. Рукописи дают чтение πᾶν ὥφθη («был увиден»). Мендельсон предложил чтение κατηρείφθη («был сокрушен»).

⁴ Перевод дается в соответствии с текстом Ставенгагена, который принял конъектуру Шварца (οὐ πάντας δέ).

сражениях с римлянами. Ведь раньше они только стреляли из лука, сидя на конях, но не защищали себя тяжелым вооружением и не осмеливались в битве использовать мечи и копья; имея на себе легкие развевающиеся одеяния, они обычно сражались, отступая и пуская назад стрелы. (9) Когда же у варваров появились беглецы-воины, среди которых много было ремесленников, принявших варварский образ жизни, то они научились не только пользоваться оружием, но и изготавливать его.

5. (1) Север, устроив свои дела на Востоке, как ему казалось, наилучшим и выгоднейшим образом, пожелал тотчас же двинуться на царя атрапенов и перейти в землю парфян. И тех и других он обвинял в дружбе с Нигером. Однако все это Север отложил до другого времени, так как хотел сначала утвердить и упрочить за собой и за своими детьми власть над всей Римской державой. (2) После гибели Нигера Альбин казался ему лишним и обременительным; к тому же он слышал, что тот слишком по-императорски упивается именем Цезаря, что многие особенно видные сенаторы в своих частных тайных письмах уговаривают его идти на Рим, пока Север занят и отсутствует. Ведь патриции предпочитали иметь его правителем, так как он был из хорошего рода и, кроме того, как говорили, у него был добрый нрав. (3) Узнав об этом, Север все же отказался пойти на открытую вражду и начать войну с человеком, не давшим для этого никакого благовидного предлога. Поэтому он решил сделать попытку устранить Альбина тайно, обманув его. (4) Вызвав самых верных из тех, кто обычно доставлял императорские письма, он дает им указания⁵, представ перед Альбионом, при всех вручить ему письма и попросить его отойти в сторону и наедине выслушать секретные указания; когда же он согласится и окажется без телохранителей, неожиданно напасть на него и убить. (5) Север дал им с собой смертельный яд, чтобы они, если смогут, уговорили кого-нибудь из поваров или виночерпие тайно подать ему...⁶ так как друзья Альбина имели подозрения и советовали ему осторегаться человека лживого и способного к козням. (6) Ведь нрав Севера был уже известен по его обращению с полководцами Нигера; как выше было сказано, он с помощью их детей убедил их предать дело Нигера, а потом, воспользовавшись их услугами и добившись всего, чего хотел, убил и их самих, и их детей. Так коварный нрав Севера обнаружился в его действиях. (7) Поэтому Альбин окружил себя более сильной стражей, и никто из прибывавших от Севера не подходил к нему, не сняв с себя меча и не будучи предварительно обыскан, чтобы выяснить, нет ли у него чего-нибудь за пазухой. (8) И вот, когда вестники Севера прибыли и, отдав при всех письма, попросили Альбина отойти и выслушать нечто тайное, он, что-то заподозрив, велит их схватить и, допросив наедине, узнает весь их умысел. Он наказывает их, а сам собирается против Севера, как против явного врага.

6. (1) Узнав это, Север, и вообще-то жестокий и легко поддававшийся гневу, не скрывал более своей вражды, но, созвав все войско, сказал следующее: «Пусть никто не обвинит меня в легкомыслии за мои прежние действия и не сочтет меня⁷ неверным и бессовестным по отношению к тому, кто был моим другом. (2) Ведь я все дал ему, разделив с ним могущество императорской власти, то есть то, что с трудом делают даже с родными братьями: то, что вы вручили мне одному, я разделил с ним. Но за все мои великие благодеяния Альбин отплатил мне неблагодарностью. (3) Он собирает против нас оружие и войско, презрев ваше мужество и пренебрегая

⁵ Следующее слово ἀποφήτω («из числа тайных») Ставенгаген, следуя Беккеру, исключает из текста.

⁶ В тексте лакуна. Из предложенных конъектур отметим чтение Шварца καίτε («хотя»).

⁷ Слово «меня» (ἐμέ) вставил в текст Рейске. Ставенгаген принимает эту конъектуру.

своим долгом, желая в своей нанасытной жадности, несмотря на опасности, овладеть целиком тем, часть чего он получил от меня без войны и сражений; он не постыдился богов, которыми он часто клялся, не пощадил ваших трудов, которые вы перенесли с такой славой и доблестью. (4) Ведь он извлек выгоду из ваших подвигов, а если бы сохранял верность, то имел бы и больше почестей, полученных нами обоими от вас. Подобно тому как несправедливо начинать мерзкие дела, так и малодушно не защищаться обиженному. К войне против Нигера нас привел не столько какой-либо благовидный предлог, сколько неизбежность вражды. Он вызвал нашу ненависть не тем, что стремился похитить имевшуюся у нас власть; каждый из нас с одинаковым честолюбием стремился к брошенной и ставшей предметом спора власти. (5) Альбин же, презрев клятвы и договоры, хотя он и получил от меня все, что обычно дают только родному сыну, предпочел стать мне врагом вместо друга, противником вместо близкого человека. Подобно тому как прежде мы, благодетельствуя Альбину, украстили его честью и славой, так теперь мы оружием изобличим его неверность и трусость. (6) Ведь его немногочисленное войско, состоящее из островитян, не выдержит вашей мощи. Вы одни только благодаря своему рвению и мужеству победили в стольких битвах и покорили весь Восток; так неужели же ныне, когда у вас появились такие сильные союзники, когда почти все римское войско находится здесь, неужели теперь вы не одолеете с легкостью немногочисленных врагов, находящихся под командой человека и не отважного, и не трезвого? (7) Ибо кто не слыхал о его изнеженности, так что его образ жизни больше подходит для хороводов, чем для военного строя. Итак, смело двинемся с нашим обычным рвением и мужеством, полагаясь на богов, которых он оскорбил ложными клятвами, и помня о трофеях, которых мы воздвигли так много, а он презрел».

(8) После этих слов Севера все войско объявило Альбина врагом; воины прославляли Севера, криком обещая ему всяческую поддержку, и тем вдохновили его еще больше и внущили ему добрые надежды. Раздав им щедрые дары, Север выступил в поход против Альбина. (9) Он отправил также людей для осады Византия, который все еще оставался занятым бежавшими туда полководцами Нигера. Впоследствии он был взят голodom; весь город был разрушен, и Византий, лишенный театров, бань, всех украшений и чести, был подобно деревеньке отдан в рабство перинфианам, так же как Антиохия — лаодикейцам. Север послал очень много денег для восстановления городов, разрушенных войском Нигера. (10) Сам же он продолжал поход, не задерживаясь ни ради праздников, ни из-за усталости, не обращая внимания ни на холод, ни на жару. Часто шел он через холодные и высокие горы среди бурь и снегов с непокрытой головой, поддерживаая своим примером твердость и мужество воинов, так что они терпели усталость не только из страха или чувства долга, но подражая императору и соревнуясь с ним. Север послал также полководца с войском⁸ занять узкие проходы в Альпах и охранять входы в Италию.

7. (1) Известие о том, что Север не медлит, но вот-вот появится, привело беспечного и изнеженного Альбина в замешательство. Переправившись из Британии в лежащую напротив Галлию, он разбил там лагерь и отправил послов во все соседние провинции, требуя от правителей присылки денег и пропитания для войска. Некоторые послушались и выполнили это требование себе на гибель: ведь впоследствии они понесли за это наказание. Те же, кто не послушался, спаслись, приняв свое решение скорее по счастливой случайности, чем обдуманно. Ведь только исход и судьба

⁸ Рукописное чтение στρατὸν δυνάμεως («войско силы») смысла не дает. Беккер исключил из текста слово δυνάμεως («силы»). Рейске предложил чтение, принятое Ставенгагеном, — στρατηγὸν μετὰ δυνάμεως, по которому сделан перевод.

войны могли показать, какое решение было правильным. (2) Когда войска Севера прибыли в Галлию, начались стычки в разных местах, а последнее сражение произошло при Лугдуне, большом и богатом городе, в котором заперся Альбин и откуда он, не выходя сам, послал войско в битву. Сражение было очень упорным, и исход его долго оставался неясным. Ведь британцы храбростью и кровожадностью ничуть не уступают иллирийцам; так как оба войска сражались отважно, то одинаково трудно было обратить в бегство одно из них. (3) По сообщениям рассказывавших правдиво и беспристрастно современников, фаланга Альбина, против которой сражался сам Север со своим войском, получила большой перевес, так что Север бежал, упал с лошади, но, сбросив с себя императорский плащ, оставался незамеченным. Британцы преследовали врагов и уже запели победные песни, как если бы они добились окончательного успеха, но внезапно появился полководец Севера Лет со своим свежим, еще не принимавшим участия в битве войском. (4) Его обвиняют в том, что он, ожидая исхода битвы, намеренно медлил, сберегая силы своего войска, так как сам стремился к власти; поэтому он и появился не раньше, чем узнал о падении Севера. Это обвинение подтверждается последующими событиями: ведь позднее, когда все решилось и Север освободился от забот, он богато наградил всех своих полководцев и только одного Лета, естественно, не забыв зла, убил. (5) Но все это случилось позднее. Тогда же, как было сказано, при появлении Лета с новым войском воины Севера ободрились, посадили его на коня и облекли в плащ. (6) Воины же Альбина, считая, что они победили, пребывали в беспорядке, и когда на них обрушилось мощное и еще не участвовавшее в бою войско, они отступили после недолгого сопротивления. Когда же бегство стало всеобщим, воины Севера преследовали и убивали врагов, пока не ворвались в город. О числе убитых и взятых в плен с обеих сторон тогдашние историки писали, кто что хотел. (7) Воины Севера разграбили и сожгли Лугдун, Альбина схватили и обезглавили, а голову его принесли Северу. Так они воздвигли два великих трофея — на Востоке и на Севере. Ничто нельзя сравнить с битвами и с победами Севера ни по обилию войск, ни по дальности передвижений, ни по числу сражений, ни по быстроте переходов. (8) Велики битвы Цезаря с Помпеем, где с обеих сторон сражались римские войска, битвы Августа с Антонием или с сыновьями Помпея, а еще раньше Суллы или Мария в междуусобных римских войнах и в сражениях с прочими противниками, да и битвы других полководцев. Но нелегко привести еще пример, чтобы один человек победил трех государей, уже правивших; одного благодаря удаче⁹ убил в императорском дворце, хитростью одержав верх над его войском в Риме, второго, давно уже властовавшего на Востоке и провозглашенного римлянами императором, а третьего, также обладавшего достоинством и властью Цезаря, одолел благодаря своей храбрости. Такой конец принял Альбин, недолго пользовавшийся гибельными почестями Цезаря.

8. (1) Север тотчас направил свою ярость против друзей Альбина в Риме. Послав в Рим голову Альбина, он приказывает посадить ее на кол и выставить всенародно. Объявив в письме к народу о своей победе, он под конец добавил, что голову Альбина он послал для всеобщего обозрения, чтобы... подобно... и... гнев...¹⁰ (2) Уладив все дела в Британии и разделив

⁹ Так мы переводим слово εὕτοχήσαται, вставленное в текст Шварцом и принятое Ставенгагеном.

¹⁰ Испорченное место. Разные рукописи дают разный текст. Полициано в своем латинском переводе так передает смысл этого места: ut exemplum сарегent, quod item ipsis patiendum foret («чтобы они имели пример того, что им самим предстоит перенести»).

этую провинцию на два наместничества, а также устроив все в Галлии, как ему казалось, наилучшим образом, Север убил всех друзей Альбина, независимо от того, добровольно или вынужденно они имели с ним дело, конфисковал их имущество, а затем поспешил в Рим, ведя с собой все войско, чтобы показаться более страшным. (3) Проделав этот путь по своему обыкновению очень быстро, он вступил в Рим, все еще полный злобы против оставшихся в живых друзей Альбина. Народ встретил его со всякими почестями и сларословиями, неся лавровые ветви. Сенат тоже его приветствовал, причем большинство было в великом страхе, ибо они думали, что Север, будучи по природе жестоким к врагам и стремящимся наносить обиды даже по незначительным поводам, не пощадит их теперь, когда он имел для этого достаточные основания. (4) Итак, Север поднялся в храм Юпитера и, совершив положенные жертвоприношения, возвратился во дворец; для народа он устроил в честь своих побед богатые раздачи, а воинам подарил большие деньги и разрешил многое из того, что раньше им не было позволено. (5) А именно, он увеличил им содержание, позволил носить золотые кольца и брать себе жен. Все это прежде считалось чуждым воинскому воздержанию, так как мешало готовности к войне. Север первый поколебал твердый, суровый образ жизни воинов, их покорность и уважение к начальникам, готовность к трудам, дисциплину и научил их любви к деньгам, жадности, открыв путь к роскоши.

(6) Устроив все это, как ему казалось, наилучшим образом, Север пришел в сенат, взошел на императорский трон и горько упрекал друзей Альбина, одним показывая их тайные письма, которые нашел среди его секретных бумаг, другим ставя в вину богатые дары, посланные Альбину. Остальным он указал на другую их вину: людям с Востока — дружбу с Нигером, а тем, кто был из другой части Империи, — знакомство с Альби-ном. (7) Всех видных сенаторов и людей, выдающихся в провинциях происхождением или богатством, он беспощадно убивал, гневаясь, как он притворно утверждал, на врагов, а на самом деле из-за своего ненасытного сребролюбия. Ведь еще ни один государь не позволял деньгам так властвовать над собой. (8) Насколько силой духа, долготерпением в трудах и опытностью в военном деле Север не уступал никому из самых прославленных людей, настолько велико было в нем корыстолюбие, питаемое несправедливыми убийствами под любым предлогом. Властвовал он больше благодаря страху подданных, чем благодаря их преданности. (9) Впрочем, Север стремился угодить народу, постоянно устраивал богатые зрелища всякого рода, часто убивал сотни диких зверей как из всех концов нашей страны, так и из варварских земель, щедро раздавал подарки. Он установил состязания в честь своих побед, отовсюду вызывая драматических актеров и гладиаторов. В его правление мы видели разнообразные зрелища одновременно во всех театрах, священнодействия и ночные празднества, устроенные в подражание мистериям. Эти игры тогда называли вековыми, так как слыхали, что они бывают через три поколения людей. В Риме и по всей Италии глашатаи призывали всех прийти и увидеть то, что они никогда не видели прежде и не увидят впоследствии. Это означало, что промежуток между нынешними и следующими праздниками превосходит самую длинную человеческую жизнь.

9. (1) Прожив достаточно времени в Риме, Север объявил своих сыновей соправителями и императорами. Стремясь снискать славу победителя не только в междоусобной войне против римских войск (в честь этого события он даже боялся праздновать триумф), но воздвигнуть трофеи и в войне с варварами, Север предпринял поход на Восток, выставив предлогом дружбу Барсения, царя атрапов, с Нигером. (2) Прибыв на место, он пожелал пройти через Армению, но армянский царь, предупредив его,

поспал ему деньги, дары и заложников, умоляя о мире и обещая дружеский союз и преданность. Так как в Армении все вышло согласно намерению Севера, он сразу же двинулся против атренов, к нему перебежал осроенский царь Авгар, представив в обеспечение верности заложниками своих детей и дав ему в помощь множество лучников.

(3) Пройдя Междуречье и страну адиабенов, Север пересек и Счастливую Аравию; там произрастают благовонные травы, которые у нас употребляются как ароматы и фимиамы. Разорив много деревень и городов и опустошив страну, он пришел в область атренов, расположился лагерем и осадил Атры. (4) Город находился на вершине очень высокой горы, окружена мощной и крепкой стеной и был силен своими многочисленными лучниками. Войско Севера прилагало все усилия, пытаясь взять город; всевозможные машины придвигались к стенам, были использованы все виды осады. (5) Однако атрены храбро защищались и, пуская сверху стрелы и бросая камни, причиняли войску Севера немалый урон. Наполняясь глиняные сосуды крылатыми мелкими ядовитыми тварями, они бросали их на осаждавших. Попадая на лицо или на какую-либо другую обнаженную часть тела, эти существа, незаметно впиваясь, наносили опасные раны. (6) Многие воины были не в состоянии переносить душного воздуха и палившего солнца и умирали от болезней, так что большая часть войска погибла по этой причине, а не от руки врагов. (7) От всего перечисленного войско теряло мужество; осада ничуть не продвигалась вперед, и римляне больше терпели вреда, чем наносили его. Север, чтобы не пропала вся армия, ничего не добившись, отвел назад войско, крайне недовольное тем, что осада не привела к желаемому результату. (8) Привыкнув постоянно побеждать во всех битвах, воины полагали, что, не одержав победу, они тем самым потерпели поражение. Однако судьба, вмешавшись в дела Севера, принесла ему утешение, ибо войско возвратилось в Рим не вовсе без успеха, но совершив даже больше, чем надеялось. (9) Войско Севера, двигаясь на многих кораблях, не пристало, как предполагалось, к римским берегам, но, отнесенное течением реки на большое расстояние, приплыло к парфянскому берегу, который находился в нескольких днях пути от дороги на Ктесифонт. Здесь был дворец парфянского царя, в котором он мирно жил, считая, что битвы Севера с атренами его нисколько не касаются; поэтому он сохранял спокойствие и не ожидал ничего ужасного. (10) Между тем войско Севера, которое против воли было прибито течением к этим берегам, высадившись, опустошало страну, угоняя для своего пропитания встречающиеся ему стада и сжигая попадающиеся на пути деревни. Нонемногу двигаясь вперед, они оказались у Ктесифонта, где находился великий царь Артабан. (11) Римляне, напав на неожидавших этого варваров, убивали всех без разбора, город разграбили, а детей и женщин взяли в плен. Так как царь с немногими вспомогательниками бежал, римляне завладевают его казной и, захватив все драгоценности и сокровища, возвращаются.

(12) Так Север, скорее случайно, чем по обдуманному плану, прославил себя победой над парфянами. После того как вопреки всем ожиданиям все так удачно закончилось, он написал сенату и народу, превознося свои подвиги, и выставил надписи о своих битвах и победах. Сенат определил ему и все другие¹¹ полагающиеся почести и, кроме того, присвоил ему почетные прозвания, взятые от наименований покоренных народов.

10. (1) Уладив дела на Востоке, Север поспешил в Рим, взяв с собой своих сыновей, находившихся тогда в юношеском возрасте. Закончив

¹¹ Слово «другие» (*τὰς ἄλλας*) вставено в текст Шварцом и принято Ставенгагеном.

путь, Север привел в порядок дела в провинциях, сделав в каждой то, что там требовалось, посетил лагери в Мисии и Паннонии. Римлянами он был принят как победитель с благоговением и с великими славословиями. Он устроил народу жертвоприношения, празднества, зрелища и торжества. (2) Произведя щедрые раздачи и празднования в честь своей победы, Север еще немало лет прожил в Риме, занимаясь судопроизводством, государственными делами, а также воспитанием и наставлением детей. (3) Они же (будучи уже юношами) были испорчены роскошью и столичным образом жизни, чрезмерной страстью к зреющим, приверженностью к конным состязаниям и танцам. Братьяссорились между собой сначала из ребяческого самолюбия, из-за перепелиных боев и петушиных сражений или когда происходили драки между другими мальчиками. (4) Их увлечения зреющими или музыкой всегда приводили к ссорам; им никогда не нравилось что-нибудь одно, но все, приятное одному, другому было ненавистно. С обеих сторон их подзадоривали льстцы и слуги, угождая им детским прихотям и сталкивая братьев между собой. Север, узнав об этом, пытался их сблизить и вразумить.

(5) Старшего сына, настоящее имя которого, до того как он вступил в императорский дворец, было Бассиан, Север, как только ему удалось получить почести верховной власти, назвал Антонином, так как хотел, чтобы он носил имя, которое носил Марк; он женил его, надеясь, что в результате брака он образумится. Его жена была дочерью префекта претория по имени Плавтиан. (6) Про него, человека в ранней молодости незначительного, некоторые говорили, что он подвергся изгнанию, уличенный в заговорах и многих преступлениях. Он был соотечественником Севера (ведь он тоже — ливиец): одни утверждали, что он — родственник Севера, а другие злословили, утверждая, что он в цветущем возрасте был его любовником. Как бы то ни было, Север, выведя его из низкого и незначительного состояния, обеспечил ему высокое положение, наградил его необыкновенным богатством, даря ему имения казненных, и чуть ли не делил с ним власть.

(7) Злоупотребляя властью, Плавтиан в своих действиях не останавливался ни перед жестокостью, ни перед насилием и стал, наконец, страшнее всех, когда-либо властвовавших. Соединив его дочь со своим сыном, Север соединялся с ним домами.

(8) Не слишком довольный браком и женившись более по принуждению, чем по своей воле, Антонин враждебно относился и к молодой женщине, и к ее отцу: не делил с ней ни ложа, ни трапезы, чувствовал к ней отвращение и часто грозил убить и ее, и ее отца, как только станет единственным обладателем власти. Обо всем этом молодая женщина постоянно рассказывала отцу, сообщая ему о ненависти ее мужа к браку и возбуждая гнев отца.

11. (1) Плавтиан, видя, что Север уже стар и непрерывно болеет, а Антонин — жестокий и дерзкий юноша, боялся угроз последнего и предпочел опередить его, решившись на что-либо иное, нежели дожидаться несчастья. (2) К тому же многое еще побуждало его домогаться императорской власти: размеры богатства, каким до него не обладал ни один частный человек, угодливость воинов, почести со стороны подчиненных, наконец, одеяние, в котором он выступал. Ведь он носил тогу с широкой полосой и занимал положение, на которое имели право только люди, дважды занимавшие должность консула, сбоку у него висел меч, и вообще он один обладал всеми знаками почета. (3) Появляясь, Плавтиан вызывал такой страх, что никто не приближался к нему, а встречные поворачивали назад; шедшие перед ним объявляли, чтобы никто не смел останавливаться и смотреть на него, и приказывали отворачиваться и глядеть вниз.

Север был недоволен, когда ему сообщили обо всем этом, и стал испытывать к Плавтиану неприязнь, так что даже уменьшил его власть и решил поставить предел его чрезмерному тщеславию. (4) Не перенеся этого, Плавтиан осмелился посягнуть на власть и замыслил следующее. Был у него один трибун по имени Сатурнин, отличавшийся исключительной уступчивостью по отношению к Плавтиану; такими же были и другие, но Сатурнин большей угодливостью добился полного доверия. Считая его самым верным и единственным способным выполнять тайные поручения, не разглашая этого, Плавтиан вечером, когда все разошлись, послал за ним и сказал: (5) «Теперь, наконец, появилась для тебя возможность доказать свое рвение и преданность мне, а для меня — достойно отплатить тебе и отблагодарить тебя по заслугам. Перед тобой выбор — либо стать тем, кем ты сейчас видишь меня, получить эту власть и занять мое нынешнее место, либо тотчас же умереть, поплатившись за непослушание. (6) Пусть тебя не пугает ни величие замысла, ни имена государей. Ведь ты один можешь войти в покой, где они отдыхают, так как тебе доверена смена ночной стражи. То, что тебе предстоит сделать, ты можешь совершить беспрепятственно и тайно, иначе я не приказывал бы тебе этого, а ты бы не повиновался».

(7) Войди в императорский дворец, сделав вид, будто несешь спешные и тайные известия от меня, проникни к императорам и убей их. Ты человек сильный и легко справишься со стариком и мальчиком; разделив со мной опасность, ты в случае успеха разделишь со мной и высшие почести».

(8) Выслушав это, трибун в душе ужаснулся, но не потерял разума, ибо был человеком рассудительным (он ведь был родом сириец, а восточные люди хитры на выдумки). Видя, что Плавтиан вне себя, и зная его могущество, Сатурнин не стал противоречить ему, чтобы не понести за это наказания. Он сделал вид, что услышал нечто желанное ему и радостное, и, склонившись перед Плавтианом ниц, как перед императором, попросил письменного приказа об убийстве. (9) У тиранов есть такой обычай, если они посыпали кого-нибудь с поручением убить без суда, то давали письменное распоряжение, чтобы деяние было подтверждено приказом. Плавтиан, ослепленный своей страстью, дает ему письменный приказ и посыпает на убийство, добавив, что после смерти обоих императоров следует послать за ним, не дожидаясь, пока дело получит огласку, чтобы он появился во дворце раньше, чем узнают о захвате им императорской власти.

12. (1) Выйдя после этого уговора, трибун, как и всегда, беспрепятственно прошел через весь дворец. Понимая, что невозможно было бы убить двух императоров, живущих к тому же в разных зданиях, он остановился перед спальней Севера и позвал охранителей императорского покоя, требуя впустить его к Северу для некоего сообщения, касающегося жизни и безопасности императора. Те доложили Северу и по его повелению ввели к нему трибуна. (2) Войдя, Сатурнин сказал: «Я пришел к тебе, о владыка, не убийцей и палачом, как думает тот, кто послал меня, но, как я сам хочу, — спасителем и другом. Ибо Плавтиан, злоумышляя против власти, поручил мне убить и тебя и твоего сына, причем сделал это не только на словах, но и письменно. Вот его приказ. Я согласился для того, чтобы из-за моего отказа он не поручил бы этого другому; теперь же я пришел открыть тебе все и обнаружить дерзкий замысел». (3) Сатурнин со слезами произнес все это, но Север не сразу поверил ему, так как был сердечно расположен к Плавтиану и заподозрил здесь какой-то умысел и интригу. Он думал, что его собственный сын из вражды к Плавтиану и ненависти к своей жене, его дочери, придумал против него эту хитрость и смертельную клевету. (4) Послав за сыном, Север стал упрекать его в том, что он строит козни против преданного человека и к тому же родственника. Сначала

Антонин клятвенно уверял, что не знает, о чем идет речь, но поскольку трибун настаивал и показал письменный приказ, Антонин стал ободрять его и требовать новых улик. Трибун, видя, в какую он попал опасность и боясь расположения Севера к Плавтиану, понял, что если заговор не будет раскрыт и доказан, его ждет страшная смерть, и (5) сказал: «Какое еще требуется большее доказательство, о владыка? Какие более ясные улики? Позвольте мне только, выйдя из дворца, послать кого-нибудь преданного мне с известием, что дело сделано. Плавтиан, поверив, появится в надежде занять пустой дворец. А уж когда он придет, ваше дело обнаружить истину. Только прикажите соблюдать во дворце полную тишину, чтобы все не стало известно слишком скоро и не повернулось бы по-другому».

(6) Сказав это, Сатурний приказывает одному из самых преданных ему людей позвать Плавтиана как можно скорее, так как оба императора повержены и тому необходимо оказаться внутри дворца прежде, чем все станет известно народу. Ведь когда твердыня будет занята, а власть окажется в его руках, то все волей-неволей покорятся тому, кто уже стал государем, а не только собирается еще стать им. (7) Поверив этому и исполнившись надежд, Плавтиан уже поздним вечером, надев ради безопасности на себя панцирь, прикрыл его прочей одеждой и, взойдя на колесницу, поспешно приехал во дворец. Сопровождали его немногие слуги, которые думали, что Плавтиан вызван к императору для каких-то спешных дел. (8) Прибыв во дворец, Плавтиан беспрепятственно прошел внутрь, так как стража ничего не знала о происходившем. Трибун вышел ему навстречу и, заманивая в ловушку, назвал императором, взял по обыкновению¹² за руку и ввел в спальню, где, как он говорил, лежали трупы императоров. (9) Север к тому времени уже приказал своим молодым телохранителям схватить Плавтиана, как только он появится. Тот, ожидая совсем другого, входит и видит перед собой обоих государей; его хватают. Пораженный таким оборотом дела, Плавтиан стал просить и умолять, оправдываясь тем, что все это ложь, клевета и подстроено врагами. (10) Север укорял Плавтиана, перечисляя свои многочисленные благодеяния и дарованные ему почести, тот же напоминал императору о прежней верности и преданности, так что мало-помалу почти убедил Севера своими словами, как вдруг на нем распахнулась одежда и стала видна часть панциря. Заметив это, Антонин, юноша дерзкий, вспыльчивый и к тому же в душе ненавидевший Плавтиана, воскликнул: (11) «Ну, а об этих двух уликах что ты скажешь? Ты приходишь во дворец вечером, незваный. А что значит панцирь на тебе? Кто приходит на обед или на пиршество вооруженный?». И с этими словами Антонин приказывает трибуни и другим присутствовавшим обнажить мечи и убить этого человека, как изобличенного врага. (12) Те немедленно выполняют приказание юного государя, убивают Плавтиана и тело его выбрасывают на людную улицу, чтобы все его видели и чтобы враги надругались над ним.

Так умер Плавтиан, потерявший рассудок в ненасытной жажде власть всем и попытавшийся в конце жизни опереться на неверного подчиненного.

13. (1) На будущее Север назначил двух префектов претория, сам же по большей части жил в загородных дворцах и в приморских частях Кампании, творя суд и занимаясь государственными делами. Ведь он хотел отучить сыновей от их образа жизни в Риме и приучить к более дальному,

¹² Слова δῆθεν συνήθως («конечно, по обыкновению») Мендельсон, следуя некоторым рукописям и переводу Полициано, выбрасывает из текста. Стефан отметила, что в какой-то рукописи (в настоящее время утраченной) читалось συνήθη («как близкого человека»).

так как видел, что они склонны к непристойным и неподобающим государям зреющим. (2) Это пристрастие к зреющим и соперничество, вызывавшее между ними постоянные расхождения и противоположность мнений, возбуждало души братьев и разжигало огонь раздора и вражды. Антонин, устранив Плавтиана, стал особенно невыносим. Он стыдился и боялся...¹³ всеми способами он подготавлял смерть его дочери, своей жены. (3) Поэтому Север выслал ее вместе с братом в Сицилию, дав им щедрое, вполне достаточное для жизни содержание, по примеру Августа; ведь и последний поступил таким же образом с детьми своего врага Антония¹⁴. Север постоянно старался помирить сыновей, внушить им единомыслие и согласие, напоминая о старинных сказаниях и трагедиях, рассказывая о несчастьях братьев-царей, всегда бывавших следствием раздоров. (4) Север показывал им сокровища и храмы, полные денег. Указывал, что богатство и денег столько, что не будет нужды добывать их кознями, когда дома все имеется в таком изобилии, что воинов можно свободно и щедро награждать, что в Риме их силы увеличились вчетверо, а перед городом размещено столько лагерей, что никакие внешние враги не могут равняться или противостоять им ни численностью войска, ни ростом воинов, ни количеством денег. (5) Однако, говорил Север, от всего этого нет никакой пользы, если братья враждуют друг с другом и идет внутренняя война. Часто, настоятельно повторяя что-нибудь в этом роде или упрекая, он старался образумить и примирить их, они же не слушались, делаясь все необузданнее и хуже. (6) Льстцы тянули каждый в свою сторону пылких юношей, которые под сенью императорской власти ненасытно стремились ко всем приманкам наслаждения, и не только угощали их прихотям и самым постыдным желаниям, но и постоянно изыскивали что-нибудь новое, чтобы еще больше ублажить одного и опечалить тем самым другого. Север уже наказал некоторых из них, уличив их в подобном поведении.

14. (1) Между тем, пока Север негодовал по поводу такого образа жизни своих детей и их недостойной страсти к зреющим, наместник Британии присыпает известие, что тамошние варвары восстали, разоряют страну набегами, грабят и производят много опустошений; поэтому он нуждается в большом войске для защиты страны или в появлении самого императора. (2) Север с удовольствием выслушал это известие, будучи вообще от природы славолюбивым и стремясь после восточных и северных побед воздвигнуть еще трофеи против британцев. К тому же он хотел удалить из Рима сыновей, чтобы они в строгой военной обстановке отошли¹⁵ от роскошного римского образа жизни. Север объявляет поход в Британию уже глубоким стариком, страдая к тому же еще болезнью суставов; однако духом он был крепче всякого юноши. (3) Большую часть путешествия он совершил в носилках, нигде подолгу не останавливаясь. Он проделал этот путь вместе со своими сыновьями настолько быстро, что опередил и молву, и ожидания. Переправившись через океан, он появился перед британцами; отовсюду собрал воинов, составивших значительную силу, и приготовлялся к войне.

(4) Британцы, опшеломленные неожиданным прибытием государя и узнав о мощном собранном против них войске, отправили к нему послов для мирных переговоров и думали оправдаться в прежних винах. (5) Се-

¹³ В большой части рукописей здесь лакуна. Одна из рукописей добавляет слова τὸν πλεῖστον πρᾶξιν τὸν ἀνήκεστον («чтобы отец не совершил чего-либо недопустимого»). Шварц предлагает дополнение τὸν Πλαυτίανος τὸν οἰδέν χάπερ ἡσυχάζοντα («сына Плавтиана, хотя тот и вел себя спокойно»). См. критический аппарат у Ставенгагена.

¹⁴ Рукописное чтение «Антонина» Мендельсон исправил на «Антония».

¹⁵ Перевод дается в соответствии с конъектурой Шварца ἀναγένεσιν («отрезвили»).

вер хотел оттянуть время, чтобы не возвращаться назад в Рим, надеясь победить британцев и получить почетное прозвание. Поэтому он отоспал послов ни с чем, а сам готовился к битве. Особенно он старался пересечь болотистые местности, чтобы воины могли легче пройти эту местность и сражались, стоя на крепкой земле. (6) Ведь большая часть британской земли затопляется непрерывными приливами океана и поэтому болотиста; варвары обыкновенно переплывают или переходят болота, погружаясь до пояса. Они ведь почти совсем без одежды, и ил не мешает им. (7) Они не знают платья, пах и шею прикрывают железом, считая его украшением и признаком богатства, как прочие варвары — золото. Тела они татуируют разноцветными рисунками и изображениями разных зверей. Они и не одеваются для того, чтобы не закрывать рисунки на теле. (8) Они весьма воинственны и кровожадны; оружие у них — только узкий щит, копье и меч, который висит на голом теле. Панцирия и шлема они не знают и считают помехой при переходах через болота, от которых поднимаются густые испарения и воздух над всей страной постоянно кажется туманным. Приготовления Севера должны были в этих условиях помочь римскому войску, а также сдерживать и сковывать написк варваров.

(9) Когда он увидел, что все необходимое для войны готово, то младшего своего сына по имени Гета он оставил в подчиненной римлянам провинции — творить суд и управлять государственными делами, назначив при нем советниками старейших из своих друзей. Антонина же он взял с собой и устремился против варваров. (10) Когда войско перешло лежащие впереди реки и земляные насыпи, находившиеся еще в пределах римских владений, начались частые стычки и перестрелки, в результате которых варвары бежали. Бегство было для них нетрудным делом, потому что, зная свою страну, они прятались в лесах и болотах, а для римлян все это было помехой и только удлиняло войну.

45. (1) Между тем престарелого Севера постигает затяжная болезнь, из-за которой он вынужден был оставаться дома, Антонину же он попробовал поручить управление войском. Но Антонин мало думал о войне с варварами; он старался расположить к себе войско, заставить всех смотреть только на него, всячески стремился к единовластию, клевеща на брата. (2) Тяжело больной, медлящий умереть, отец казался ему тягостным и обременительным. Он уговаривал врачей и прислужников как-нибудь повредить старику во время лечения, чтобы скорее от него избавиться. Но Север, снедаемый больше всего печалью, наконец, скончался, прославив свою жизнь военными подвигами более, чем кто-либо из бывших до него государей. (3) Ведь никто прежде не собрал таких трофеев ни в гражданских войнах против своих врагов, ни во внешних — против варваров. Процарствовав восемнадцать лет, он упокоился, оставил наследниками юношей-сыновей; он передал им богатства, каких никто никогда не оставил своим наследникам, и неодолимую военную силу. (4) Антонин, приняв власть после смерти отца, тотчас же начал убивать всех домочадцев, уничтожил врачей, которые не послушались его приказания ускорить смерть старика недобросовестным лечением, воспитателей, которые обучали его и брата, так как они надоедали ему, настоятельно упрашивая жить в согласии. Словом, не оставил никого, кто был в чести и уважении у старика. (5) Наедине Антонин богатыми дарами и обещаниями угощдал военачальникам для того, чтобы они убедили войско провозгласить его¹⁶ одного императором; против брата же он придумывал всякие козни. Воинов, однако, он не убедил: помня о Севере и зная, что оба родились от него и

¹⁶ Слово αὐτόν («его») вставлено в текст Мендельсоном и принято Ставенгагеном.

одинаково¹⁷ воспитывались ими с детских лет, воины выказывали обоим равное повиновение и преданность. (6) Антонин, после того как у него ничего не вышло с войском, заключил договор с варварами, даровал им мир и взял залоги верности. Затем он удалился из земли варваров и поспешил к брату и матери. Когда все они оказались вместе, то и мать, и высокопоставленные лица, и советники, отцовские друзья, пытались примирить братьев. (7) Антонин, поскольку все противодействовали ему в его желаниях, больше по необходимости, чем по доброй воле склонился к дружбе и согласию, скорее показному, нежели истинному. Оба таким образом управляли империей, имея равную власть. Они пожелали уйти из Британии и поспешили в Рим, везя с собой останки отца. Предали его тело огню, а прах, смешав с благовониями и заключив в алебастровую урну, доставили в Рим, чтобы там поставить между священными памятниками государей¹⁸. (8) Сами же вместе с войском как победители британцев переправились через океан и достигли противолежащей Галлии.

Итак, в этой книге описано, как Север окончил свою жизнь и сыновья унаследовали его власть.

¹⁷ Перевод дается в соответствии с чтением Ставенгагена, который принял в текст дополнение Шварца *ἴδοιεν ἐκείνου γεγονότας, ισούς*.

¹⁸ Рукописное чтение *ἐξ τὰ βασιλεῖς* («во дворец») Шварц исправил на *ἐξ τὰ βασιλέων*. В соответствии с этой конъектурой, принятой Ставенгагеном, сделан перевод.

